

П. Бородин, автор многих книг о прошлом Барнаула и родного края, более двух десятков лет собирает документы о нашем именитом земляке. В новом произведении писатель раскрывает отношения молодого Ползунова с людьми своего времени, показывает его нелегкую службу. Произведение войдет частью в будущий роман об Иване Ивановиче Ползунове.

Петр БОРОДИН

ПОЛЗУНОВ

КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО БАРНАУЛЬЦА

Черной цепью на снегу обозначился обоз. От головы до хвоста — с добрую полуверсту. На неровной местности цепь то низко провисала, то круто выгибалась. На равнине же по-струнному вытягивалась и казалось, вот-вот разорвется на мелкие куски. Потом, при быстрой езде, тонула в непроглядных снежных вихрях и со стороны угадывалась по залихватским гиканьям ямщиков и голосистым переливам поддужных колокольчиков. Для роздыху ямщики порой переводили лошадей на мелкую рысцу или неторопливый шаг. Тогда в середине обоза в глаза невольно бросалась одна повозка. Она резко выделялась среди других своим видом и размерами. Обтянута толстым бухарским войлоком. По светлому фону густо сплелись, тесно прижались друг к другу затейливые черные узоры. Такой резкости, что просвечивали сквозь снежную пыль, прочно прикипевшую к войлоку. На бескрайний белый мир повозка смотрела блеклыми, как бельма, слюдяными оконцами. Остальные повозки — приземистые и неприглядные, без каких-либо убранств.

Обоз держал дальний путь — с Екатеринбургского на Барнаульский медеплавильный завод, что находился в центре обширной Колывано-Воскресенской округи.

В нарядной повозке ехал генерал-майор Беэр. Важный и довольный собой, потому что

в изразцовом ларце вез «прочетный» указ самой императрицы Елизаветы Первой. Невелика хрустящая бумага, а силу таила в себе необыкновенную. Она делала подвластными генералу «...всех губернаторов, вице-губернаторов, воевод и прочих воинских, гражданских дворцовых властей, синодальных, монастырских и помещиковых сел и деревень всех управителей».

Чинам, названным в указе, настрого предписывалось оказывать всяческое содействие Беэру в пути следования и на месте.

В команде Беэра, помимо его советника ассессора Андрея Ивановича Порошина, ехали искусные плавильщики, механики, рудознатоцы и другие специалисты горного дела: геодезии прапорщик Пимен Старцев, штейгер из венгров Симон Качка, плавильщик Иоганн Фридрих, унтерштейгер, он же мастер по разным механическим устройствам Иван Бабин, аптекарский ученик Иван Окуловский, «механики ученик» Иван Ползунов. С пятнадцатью бергайерами, или горными работниками, солдатами охранной команды и ямщиками в обозе набиралось несколько десятков человек.

На почтовых станциях Беэра с командой встречали с подобающими почестями. В Тобольске сибирский губернатор, пожалуй, перешагнул меру почтительности — приказал выстроить в честь Беэра почетный караул.

От оглушительной трескотни десятков барабанов, пронзительных взвизгиваний флейт обозные лошади долго и испуганно шарахались в стороны. Укрошенные ямщиками, настороженно косили кровяными глазами на солдатский строй. Дольше положенного Беэр с командой отдыхал в Тобольске: не хватало воли противостоять обильному губернаторскому хлебосолюбию. Губернатор же не скупился на расходы. Тонко угадывал, что генерал непременно замолвит императрице лестное словцо о нем. Оно же никогда не бывало лишним.

Позади осталась Бараба — бескрайняя степь-низина, плоская, как столешница, и без единого кустика. Своим унылым видом она навевала бесконечную грусть, ввергала в необоримый сон. Пока обоз ехал по Барабе, Беэр большую часть времени спал. Пуховки в повозке такие, что не прошибешь. Могли бы богатство и гордость цыганского табора составить. Тело глубоко утопало в них и млело в теплой истоме. Стоило поверх набросить меховое одеяло, и самый трескучий мороз бессилен достать человека.

От села Кривошеково, к югу, места пошли не в сравнение с Барабой. В широких речных долинах прочно сплетались непролазные за-

росли гальника, черемухи, боярышника, калины. Их сменяли звенящие сосновые леса. В безветренную погоду в них малейшему звуку не утаиться: тишина обязательно выдаст. Чаще открывалась дверца генеральской повозки. Беэр с нескрываемым наслаждением любовался дикими красотами леса, жадно вдыхал здоровый воздух, приправленный щекочущими запахами сосновой смолы и хвои. За все время пути обозников впервые облакали февральские оттепели. Мягче стал снег. Санные полозья оставляли на дороге сочный, маслянистый след. В эти дни и стволы сосен вроде ярче покраснели, потяжелели, ниже к земле пригнулись чуткие ветви берез.

Покой и безмятежность в природе передавались Беэру. Невольно всплывали воспоминания недавно минувшего. Думалось о том, каким чудом он, малоприметный в высших придворных кругах саксонец, оказался на самом гребне волны. Года три назад о Беэре, начальнике тульских оружейных заводов, ходившем в чине бригадира, в Петербурге была наслышана лишь мелкая и средняя приказная челядь. И совсем неожиданно о Беэре сдержанно, шепотком заговорили в придворных кулуарах.

Случилось это, когда Елизавета издала тайный указ об освидетельствовании Колывано-Воскресенских заводов Демидова Беэром.

В иные времена при одном упоминании фамилии Демидова Беэр по-рыбьи немел, почтительно склонял голову. Теперь же судьба поставила Беэра над самым могущественным горнозаводчиком России. Было отчего трепетать душе бригадира. Между строками царского указа значилось строго секретное и незримое предписание, известное лишь императрице и Беэру: установить наличие золота и серебра в алтайских рудах, о чем донес демидовский штейгер Филипп Трегер. За спиной Беэра стояла сама императрица. Но Беэр прекрасно понимал: стоило ему допустить промашку в поединке с Демидовым, и все было бы обставлено так, что вроде ничего и не произошло, что никогда никакого Беэра будто и не появлялось на великосветском горизонте. И Демидов благоденствовал бы до очередной утонченной царской козни, исполненной более хитроумным и искушенным дельцом, чем он, Беэр.

Понимая это, бригадир со своей комиссией знатоков горного дела действовал на Алтае так тонко и скрытно, что Демидовы узнали от своих приказчиков об истинных целях визита Беэра с безнадежным опозданием. С помощью русского штейгера Лелеснова комиссия подтвердила наличие драгоценных металлов в алтайских рудах.

Над Демидовым нависли грозные тучи: законы запрещали добычу золота и серебра частным лицам. В это время умер Акинфий Демидов, самая крупная величина в фамильном созвездии русских горнозаводчиков. Судьба Колывано-Воскресенского предприятия Демидова решалась совсем просто и легко. По материалам комиссии Беэра, представленных императрице, последовал ее указ: «...на Иртыше и Оби реках, и между оными все строения, какая обретаются заведенные от покойного Акинфия Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем и с мастеровыми людьми, собственными его Демидова, и с приписными крестьянами — взять на нас...»

Императрица стала хозяйкой громадной Колывано-Воскресенской округи с ее бесчисленными природными богатствами. Для управления вновь приобретенной вотчиной Елизавета создала Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства. Она не забыла заслуг Беэра — произвела в чин генерал-майора и назначила главным командиром канцелярии...

Мягко постукивали конские копыта. Изпод них высоко взлетали комья сдавленного снега. Быстрая езда с открытыми дверцами захватывала Беэра. Замирало дыхание, учащенно колотилось сердце. Упругий встречный ветер не иссушал кожу холодом, а обтекал приятно щекочущими струйками лицо и шею, пылавшие огнем, забирался под воротник.

Невольно рождались озорные желания, не подвластные ни рассудку, ни возрасту. От сильных ощущений, от круговерти перед глазами хотелось с ямской удалью в голосе кричать так, чтобы снег осыпался с придорожных сосенок, чтобы раскатистое эхо долго плутало в лесу...

Беэр проснулся утром от того, что заглох убаюкивающий скрип санных полозьев. Обоз остановился. Генерал приказал денщику:

— Узнай, не Калиновый ли это станец.

В повозку, столкнувшись лбом с денщиком, протиснулся асессор Порошин.

— Доброе утро, ваше превосходительство! Как почивалось?

— Спасибо. Приятнее обычного. Далеко ли до Барнаульского завода?

— Ямщики сказывают, верст сто двадцать.

Довольная улыбка прогнала с лица Беэра следы недавнего сна.

— Выходит, Калиновый станец позади остался. Приятная новость! Ямщики, сидя на облучках, не клевали носами конские хвосты. Выдать каждому по пятаку в награду! Как точнее по-русски назвать, Андрей Иванович,

хорошего, исполнительного и... и... вообще отменного человека?

От неожиданности Порошин повел плечами, но быстро нашел ответ:

— Можно назвать молодцом, можно и поиному.

— Во-во! Знал такое слово, да позабыл. Ямщики — молодцы! Полагаю, через двое суток утвердятся на месте. Всякая дорога в тягость человеку. Дальняя же — особо.

— Точно, ваше превосходительство, пути осталось не более двух суток. Правда, неожиданная преграда объявилась. Пляшут перед ней лошади — и вперед ни шагу.

— Какая может быть преграда! Ничего не признаю! Только вперед и без промедления!

С помощью Порошина закипавший Беэр влез в медвежью доху и неуклюже выбрался из повозки. Первое, что поразило — погода. Вчерашнюю оттепель сменил крепкий мороз-утренник. На землю давил плотный и тяжелый туман. Дорогу пересекала неширокая река. Где-то выше по ее течению на лед вышла вода. Образовавшаяся наледь лоснилась, как смазанная сковорода, ее украшали бугристые перламутровые наплывы.

У берега теснотились ямщики. Завидев начальство, они почтительно расступились, смолкли в ожидании.

— Такова и есть преграда?

Басовитый и охающий смех Беэра разметал утреннюю тишину. Лица ямщиков озаботило выражение тревожного выжидания. Не к добру это неожиданное барское веселье, да и смеется-то он раздраженно и презрительно.

И верно, смех Беэра внезапно оборвался. Левая щека прыгнула вверх. Часто-часто, будто перед слезами, заморгали веки глаз. Наблюдательный Порошин про себя безошибочно предугадал резкую перемену в настроении Беэра.

— Хороший ямщик любую лошадь на дно морское загонит! А знаете ли вы, медведи си-волапые, что под ночной наледью воды и по колени лошадям не достанет! А?

— Мы-то знаем, ваше превосходительство, а лошади все равно не идут. Им, животным, не растолкуешь ведь.

— Это кто там язык развязал? Какой пряткий! Смотри у меня! А ну, вперед!

Здоровенный ямщик с раздвоенной бородой вовремя отскочил в сторону — в руках Беэра заиграл, тонко и вхолостую пропел тяжелый ременный кнут.

Ямщики скопом побежали к повозкам. В истошных понуканьях посрывали голоса. И все напрасно. Лошади с опаской ступали на край наледи. Как только раздавался треск и ноги проваливались в воду, они безумели от

страха, что есть силы взбрыкивали задними ногами, выскакивали из упряжи.

— Может, объезд поискать, ваше превосходительство? — предложил Порошин.

С ответом ему сунулся все тот же ямщик с бородой-вилкой:

— Объезд сыщется. Этак верст тридцать-сорок крюк загнуть надобно. Через Калиновый станец.

— Опять нос свой суешь. Кто тебя за язык тянул? Все же отведаешь у меня!

Удар кнутом пришелся по спине, но через толстую одежду не прожег болью. Ямщик в этот раз не шарахнулся испуганно в сторону. Заговорил, и голос не тронула самая неприятная дрожь.

— Безмерно виноват я, низжайший, ваше превосходительство. От дерзости не удержался, потому как единственно к пользе дела в разговоре клоню. Пути, ближе указанного мною, нету. На многие версты по берегам реки кустарник так натыкан, что заяц, спасаясь убогом от лисы, сквозь не проскочит. Снегу ж понадудло по самые уши лошадям. Ближе, стало быть, нет объезду.

Ямщик низко поклонился, не спеша и с достоинством отошел. Озадаченный его поведением, Беэр молча и вопросительно посмотрел на Порошина и как бы прочитал на его лице немой ответ: «Совет, пожалуй, не лишен благоразумия».

— Что ж, борода, веди в объезд. Только с таким уговором...

Беэра бесцеремонно перебили громкие, в один голос крики ямщиков:

— Смотрите-ка! Пошли! Пошли! От дивушко-дивное!

Через реку, ломая наледь тяжестью своего тела, медленно двигался человек. В образовавшемся проломе на поводу за человеком вышагивала лошадь без каких-либо признаков боязни. Вслед за ней с берега устремилась вторая. Третья...

Когда весь обоз перебрался на другой берег, Беэр, прогнав удивление увиденным, коротко приказал Порошину:

— Узнайте, кто надумал такое. Пошлите того человека ко мне. Обозу не трогаться без команды.

Беэр поудобнее уселся в повозке, оставив открытой дверцу. Находчивость человека, преодолевшего неизведанный брод, возбудила в нем противоречивые чувства. Поступок заслуживал неременной похвалы. И вместе с тем Беэр ощущал щемящую боль уязвленного самолюбия. Ведь не он и даже не Порошин указал способ преодоления преграды, который сейчас казался таким простым и очевидным.

Порошин привел отличившегося. Зимняя

одежда на нем обвисла, сидела неуклюже. С худощавого открытого лица спокойно и чуть удивленно смотрели северной голубизны глаза. Беэр недоуменно пожал плечами и первым спросил пришельца:

— Механики ученик Иван Ползунов?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Гм... Похвален твой смелый поступок. Как додумался?

— Случалось, ваше превосходительство, ранее бывать в таком курьезе вместе с отцом своим. От него и обучился, как одолеть упрямяство лошади.

По козлиным котам Ползунова скатывались капли воды. Постепенно густея, они превращались в прозрачные ледяные шарики.

— Прикажете, ассессор, выдать механики ученику другую обувь, заодно водки. С полштофа этак. От простуды. Иди в свою повозку, механики ученик. Благодарение тебе.

Вскоре обоз тронулся. Мысли Беэра обратились к прошлому. Несколько месяцев назад Беэр на Екатеринбургском заводе отбирал работников и служащих «со способностями, приличествующими» службе на Кольвановоскресенских заводах и рудниках императрицы. Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов старалась избавиться от работников и служащих, которых считала не лучшими. Беэр сразу же распознал эту хитрость канцелярии и потребовал в число плавильщиков вместо иноземца Герлаха русского Голубцова, служившего на Полевском заводе.

Завязался длительный спор. Первая величина Канцелярии главного правления Никифор Клеопин на требование Беэра ответил убийственно-спокойным тоном:

— Без главной своей команды, которой является государственная бергколлегия, Голубцова отдать опасно.

Беэр метал молнии, грозно потрясал царским указом. Когда и это не возымело воздействия, припомнил Клеопину, что тот возводил первые пробные медеплавильные печи Демидову на речке Локтевке в Кольвановоскресенской округе. И в ответ на этот упрек Клеопин нашел вразумительные и обезоруживающие слова:

— На то была не моя воля.

Беэр окончательно взорвался и понес прямую угрозу.

— В противодействии императорскому указу я усматриваю ваши открытые симпатии фамилии Демидовых! Боюсь, что через промедление и отрицание вы навлечете на себя гнев ея императорского величества!

Клеопин бесстрастно пожимал плечами, как бы давая понять, что все подвластно мо-

наршей воле. И все же, где возможно, поступал по-своему.

Беэр присмотрел на Екатеринбургском заводе унтер-механика Степана Костромина, молодого и рослого здоровяка. Канцелярия главного правления, как в насмешку, подменила Костромина Ползуновым. Беэр долго и с явным неудовольствием рассматривал неброскую фигуру Ползунова. Лицо генерала отмякло, лишь когда он ознакомился с похвальными аттестатами Ползунова, выданными екатеринбургскими словесной и арифметической школами, заводским механиком Никитой Бахаревым. Все же Беэр вознамерился стоять на своем, отдавая предпочтение Костромину. Однако времени до отъезда оставалось в обрез, и Ползунова волей-неволей пришлось занести в присяжный лист. Вместе с другими отъезжающими он принял присягу на «верность ея императорскому величеству» в Богоявленской церкви при Екатеринбургском заводе.

Случай на переправе в какой-то мере негласно уличил Беэра в собственной неправоте: приличествует ли судить о достоинствах человека по его внешности?

Беэр тотчас постарался отвлечься от справедливых, но неприятных самолюбию мыслей. «Бывалые ямщики не могли не знать, как преодолеть наледь. Непременно знали! Не захотели, плуты, замочить ног из-за боязни простудиться...»

Рядом сидел Порошин, оставшийся в генеральской повозке до следующего станца.

— Скажите, Андрей Иванович, как по-русски назвать человека, который чего-то боится?

— Трусом, ваше превосходительство.

— Так, так! Выходит, ямщики — трусы. Лишите их, Андрей Иванович, наградных пятяков. На первом же станце высечь плетью ямщика, у которого борода с просветом, в назиданье на будущие времена. Ползунову огласить благодарность. При стечении всей обозной публики. Чтоб торжественно выглядело...

В плавильной фабрике Барнаульского сереброплавильного завода толстыми плахами выделена тесная комнатка. Если измерять шагами, то не больше, как три на четыре. Стены обмазаны глиной, чтобы хоть как-то отгородиться от запаха дыма и гари. Заводское начальство называло комнатку громко — гиттеншрейберская камора.

По двенадцать-четырнадцать часов в сутки Иван Ползунов и Яков Беэр записывали здесь в приход по сортам руды, древесный уголь, горновой камень, флюсы — все, что

привозилось приписными крестьянами для безостановочной выплавки серебра. Точнейший учет велся и расходу заводских припасов.

Кроме того, оба гиттеншрейбера принимали сводки о выходе серебра при плавках, его апробации в заводской лаборатории. Набиралось несколько десятков разных записей, которые заносились в специальные журналы. В них строго, по-солдатски выстраивались колонки цифр. Делалось так для порядка и удобства при длинных подсчетах всевозможных операций в сводки за неделю, месяц, треть года.

Приход весны в гиттеншрейберской угадывался с трудом. Единственное зарешеченное окно выходило в заводской двор. Сквозь бычий пузырь, натянутый вместо дорогостоящего стекла, смутно просачивались заснеженные островерхние конусы угольных и рудных куч, слоенные сугробы. Такие высокие, что клочка неба не видно.

Днем в гиттеншрейберской постоянно людская толчея. Поздним вечером ослабевал приток грузов.

Ползунов низко склонился над столом грубой работы, до треска в швах натянул на плечи легкую заячью шубейку.

В плавильной фабрике скрип и лязг механических тяг. Туго и насадно вздыхали меха, подающие дутье в плавильные печи. Где-то в проеме фабричной стены глухо шумела вода, упруго бившая в лопасти водоналивного колеса. Для тепла Ползунов открыл дверь.

Скоро печи выдадут плавку. Раскаленный белый металл веселыми ручейками растечется по формам-изложницам. Ползунов потер затекшие пальцы, поспешил с составлением сводки. Встал со скамьи, глянул, а Яков Безр и наполовину не закончил работы.

— Настоящий пещерный холод! Мозги превращаются в свинец. Озябшие руки не слушаются. Цифры на бумагу уродами ложатся. Однако ты, Иван, преуспеваешь!

Ползунов промолчал. От оупляющей гиттеншрейберской писанины, от мертвых цифр, рябью резавших глаза, тянуло к настоящему делу. Оно всегда захватывало Ползунова. Еще со времени учебы в екатеринбургской арифметической школе в память прочно легли слова первого учителя Федора Санникова: «Любознательный ум, Ванюша, всегда и непременно в поиске знаний. Без поиска нет ума».

Был Федор Санников каким-то особым человеком для учеников. Взыскательность у него уживалась с благожелательностью, настойчивость — с отеческой лаской.

Ползунов мало знал своего отца Ивана Алексеевича, крестьянина города Епанчина. Женился тот, когда был солдатом Екатеринбургской роты. А солдат есть солдат, служба не оставляет ему времени на проявление отцовских чувств. Солдатский сын находил в учителе то, что не довелось увидеть в отце. Именно за это любил учителя Ползунов, а не за постоянные похвалы, которыми тот отмечал его успехи в учебе.

Краткая летопись Барнаула

1. ГОРНЫЙ ГОРОД

Основание Барнаула связано с развитием горнозаводского дела на Алтае. В 1726—1727 гг. уральский заводчик Акинфий Демидов построил на речке Локтевке, притоке Алея, первый медеплавильный завод, назвав его Колывано-Воскресенским. Выбор места для второго завода пал на устье реки, которую кочевавшие здесь киргиз-кайсаки называли «Барна-аул».

В 1730 г. Демидов переселил сюда с уральских и олонечких заводов 200 «приписных» крестьян. Они срубили близ деревеньки Усть-Барнаульской поселок, состоявший из одной улицы, названной ими Олонечкой. От этого поселка и ведет свое летосчисление Барнаул.

В 1739—1744 гг. был построен Барнаульский медеплавильный завод (с 1750 г. — сереброплавильный). Выплавка серебра и золота частным лицам запрещалась, но Демидов начал тайно выплавлять серебро и золото.

1 мая 1747 г. царица Елизавета Петровна «взяла на себя» Барнаульский и другие демидовские заводы на Алтае вместе с прилегающей к ним территорией. Барнаульский завод стал административным центром огромной царской вотчины площадью 443 тыс. кв. км.

В 1747 г. в Барнаульском посаде насчитывалось 75 дворов и 430 жителей обоего пола. В 1771 стало 949 дворов (из них два «каменных»), жителей — 4911. В этом году посад был переименован в горный город Барнаул.

Две печи выдали плавку. В формах отсвечивало разноцветными бликами еще жидкое и податливое серебро. Охлаждаясь и густея, оно сухо и отрывисто пощелкивало, менялось в цветах — от ярких до бледных и скромных. Совсем остывшее серебро покрывалось серопепельным, свинцовым налетом. Шла подготовка к засыпке печей, только что выдавших плавку. По крутым дощатым трапам-подъемникам гудели чугунные колеса тачек. Для облегчения в работе тачки с грузом закатывали на трапы с разбегу. Дальше же тачки приходилось толкать изо всех сил. На самой вершине трапа у подкатчиков от натуги глаза на лоб выскакивали. Колеса тачки словно гвоздями прихвачены к трапу — ни с места!

Бывало, что в единоборстве тачка брала верх. Тогда люди рассыпались в стороны. Тачка с победным гулом устремлялась вниз.

Снова вспомнились слова Федора Санникова. Казалось бы, совсем простые, а мудрость закона механики как нельзя понятнее объясняли: «Чем выше удалено тело от земли, тем с большей силой устремляется к ней».

Ползунов уперся плечом в тачку. Его корпус распрямлялся медленно, но уверенно, как стальная пружина, преодолевающая сильное сопротивление. Тачка сорвалась с мертвой точки.

— А ну, еще раз! Еще р-раз взяли!

Тачка затарахтела по доскам засыпной площадки, устроенной почти на уровне жерла печи. Из грудей подкатчиков вырвались сдавленные вздохи облегчения.

— Спасибо, барин, за подмогу. В том месяцу тачка изжевала ногу Федьке Колокольцеву. И сегодня недалеко до беды, не окажись тебя.

Скрипучие слова людей, не привыкших получать и расточать похвалы, показались выше всяких наград.

— За что спасибо-то? Каждый на моем месте помог бы.

— Э-э, барин, всякий видит беду другого, а вот вызволит редкий. Нашу благодарность не отбрасывай: от души она. Изволь на засыпку посмотреть.

В конце площадки, откуда донесли эти слова, стоял высокий и угловатый человек. Плоский, но широкий в плечах, он казался вырезанным из толстых двухвершковых досок.

— Здравствуй, Селезень! Спасибо за приглашение.

— Здоров бывай, барин!

Селезень — старший плавильщик. Двадцать лет жарился у плавильных печей. В первых пробных плавках медной руды на речке Локтевке подручным был при знатоке

горного дела Никифоре Клеопине, которого Демидов послал вслед за олонецкими старцами, открывшими руды в Колывано-Воскресенской округе.

Многие секреты выплавки серебра познал Селезень. Когда бывала нужда, в плавильных мастерах хаживал. Не хуже других исправлял должность, а выше не лез. Начальство не поуждало к тому: мастеру жалованье, считай, вдвое выше нужно платить, чем старшему плавильщику. Борода у Селезня короткая, в крутых завитках. Лицо от иссушающей печной жары красное, как кусок сырого мяса.

При первом знакомстве Ползунова удивила внешность, а еще больше — прозвище старшего плавильщика.

— Мое настоящее имя, барин, Иван Ефремов сын Тагильцев. Селезень — прозвище такое. Вьелось, как капля горячего серебра в живое тело. Не выковырнешь!

— Отчего же прозвали?

— То угадать надобно, барин.

Ползунов пристально поглядел в лицо Селезню. Тот предупредил вопрос, готовый сорваться с языка Ползунова.

— Не-е, не за бороду. Хотя она и впрямь, как у селезня хвост. И не за то, что голос мой схож с призывным шавканьем селезня.

— Тогда не берусь отгадывать.

— Вот так-то! — не то с гордостью, не то с удовольствием изрек Селезень. — Многие блуждали в разгадках. Среди них и ты, барин. По глазам твоим вижу, что охоч узнать про мое прозвище.

Ползунов утвердительно кивнул.

Селезень посмотрел на большие песочные часы, по которым определяли сроки плавков. В хриплом голосе зазвучала власть.

— Пора на малый роздых. Васька, принеси мой мешочек с остатками съестного припасу. Да кувшин водицы, похолоднее...

Плавильщики и засыпщики уселись полукругом на настил. Селезень — на опрокинутый ящик из-под песка. Чтобы всеми обозревался.

— А вот теперь, барин, смотри в оба глаза, подмечай, что к чему.

Стоило Селезню откусить от краюхи черного хлеба, раздалась зычная икота. Удивленный Ползунов видел, как от усилия проглотить пережеванный хлеб, у Селезня судорожно задергался сухой кадык, округлились глаза.

— Сглотил все же, хоша и со скрипом.

Селезень вытер слезы, отхлебнул из кувшина. Икота притихла. Потом стал жевать хлеб, часто запивая водой. Словно в бездонный колодец, без единого звука проваливалась еда.

По полукругу прошелся откровенный смех. Видали такое люди раньше — и не один раз, а от потехи не удержались.

Селезень грубо и резко унял товарищей.

— Ржете, как стоялые жеребцы! А чего? Постойте с мое у печи, не так закудахчете! Во где он у меня, плавильный жар!

Селезень ладонью наглухо охватил горло.

— От этого жару и глотка у меня шершавая, как терка!

И уже к Ползунову:

— Вот и прозвали Селезем лет тому назад с десятков, что не могу без запивки и припивки проглотить сухой съестной припас...

Поздним вечером в плавильную фабрику часто заглядывало высокое заводское начальство. Плавка руд на серебро требовала постоянного и неусыпного досмотра. Могло поврать печи. Тогда капли огнедышащего металла, разлетаясь в стороны, прожигали тела людей до костей. Но такое случалось редко. Чаще же от передержки руд в плавке получался чрезмерный угар основного продукта — серебра. Да мало ли чего еще могло стрястись? Плавильщики, засыпщики и другие работники в поздние часы не так расторопны в движениях. Для уставшего человека велик и соблазн забыться в коротком, тревожном сне.

Откуда-то снизу, из синего полумрака доносясь голос Якова Беэра:

— Гиттеншрейбер Ползунов, в камору!

Селезень сразу как-то сник. Мельче стал

фигурой. В движениях открыто обозначились суетливость и неуверенность.

— Он! Ей-богу, он!.. Стал быть, сам господин Христиани в камору пришел. Пospешай, барин, как бы немилость не навлек своей отлучкой. А на плавку в другой раз приходи.

Иоганн Самуэль Христиани после генерала Беэра вторая фигура в канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Одинаково хорошо знал плавильное и пробирное дело. В совершенстве владел маркшейдерским, рисовальным и чертежным искусством. Кроме обязанностей члена канцелярии, начальствовал на Барнаульском сереброплавильном заводе.

В оправдание своего изменившегося настроения Селезень прошептал вслед уходившему Ползунову:

— Тощ господин Христиани, зато кулак у него круто замешан...

Долговязый Христиани сутулился за гиттеншрейберским столом. Трещала горевшая свеча. Ее трепетное чуткое пламя шарахалось от вздохов людей. Свеча отбирала у мрака небольшой круг, кончавшийся рядом со столом.

— Высокородный господин ассессор...

Христиани устало и безразлично махнул рукой, указав на скамью. Ползунов сел. Гнетущую тишину нарушил грубый и резкий шелест листов толстой бумаги. Христиани щурил близорукие водянистые глаза, вьедаясь

Краткая летопись Барнаула

2. РАБОТНЫЕ ЛЮДИ

К 1771 г. к алтайским заводам было приписано до 40 тысяч «мужеска пола крестьян» или «ревизских душ», к 1861 г. — 145612. Взамен подушной подати, которая за них вносилась в казну заводами, они обязаны были выжигать древесный уголь, подвозить с рудников, удаленных от заводов на сотни верст, руду и флюсы. Выполнение «урока» занимало до четырех месяцев в году, разоряя крестьян.

До 1861 г. пополнение рабочих на алтайских рудниках и заводах производилось путем рекрутских наборов из приписных крестьян, негодных к несению военной службы. Они находились в кабале до полной потери трудоспособности. По 12—16 часов трудился мастерской у раскаленной печи, в ядовитом дыму, на сквозняках, под неусыпным оком горного офицера и надсмотрщика. Вместе со взрослыми трудились и дети, «малолеты».

На заводах и рудниках были установлены жестокие военно-крепостнические порядки. Разбором дел о проступках мастеровых и приписных крестьян занимались военно-судные коммиссии, они определяли для них наказания, как для солдат: шпицрутены, батоги, кошки. Например, за побег с завода мастерского при поимке до семи раз прогоняли шпицрутенами сквозь строй в 500 человек.

Без разрешения горнозаводского начальства мастерской не имел права жениться, в праздники съездить к родным, определить детей к ремеслу.

Сибирь не знала крепостничества, но в царской вотчине — кабинетских землях — оно осуществлялось суровее, чем где бы то ни было в России. Не было лишь купли и продажи людей.

ими в страницы журнала. Цифры, начертанные рукой Якова Беэра, часто вылезали из колонок. То сбивались в тесную кучу, то одиночке и беспорядочно разбегались по бумаге.

Христиани устал охотиться за цифрами. Со лба на кончик носа упала капля пота.

— Нда-с!

Христиани резко захлопнул журнал. В мрачном взгляде асессора — немой упрек и нескрываемое недовольство.

И снова шелест бумаги, но более равномерный и тихий. Он означал перемену в настроении Христиани. Самый мелочный придир при просмотре журнала Ползунова не нашел бы зацепки для проявления малейшего недовольства. Радовали глаз безошибочные итоговые записи в сводках, согревали невидимым теплом душу Христиани.

— В журнале отменный порядок. Похвальное твоё рвание в службе, гиттеншрейбер!

Ползунов встал. Было неловко перед Яковом Беэром. Правда, Христиани его не ругал. На то, видимо, были причины, о которых Ползунов мог лишь смутно догадываться. Но и при этом Ползунов чувствовал себя виновником молчаливого унижения товарища.

— Премного благодарен вам, высокогородный господин...

Христиани вновь нетерпеливо перебил взмахом руки, завел неожиданный разговор совсем о другом.

— Правда ли, что гиттеншрейбер Ползунов увлекается математическими науками?

Главный механик Екатеринбургского завода, а позже Главного правления Сибирских и Казанских заводов Никита Бахарев решил заменить малоспособных механических учеников. В Екатеринбургской арифметической школе Бахареву порекомендовали Ивана Ползунова и Семена Черемисинова. Ползунов перевели в механические ученики, не дав закончить школы. С тех пор занятиями математикой Ползунов заполнял свое свободное время.

— Затрудняюсь ответить правильно, высокогородный господин асессор. Известно, что настоящее увлечение ко многому обязывает человека. Я всего-навсего изучаю математику, которую полюбил в школе.

— Надеюсь, что изучение проходит по книгам иностранных, в первую очередь саксонских авторов. Последних отличает глубина мысли, строгая логика суждений, простота и доходчивость изложения материала. Не так ли?

Ползунов молча выдвинул ящик стола, достал раскрытую книгу. Под красивой витиеватой заставкой напечатано по-русски: «Кни-

га первая. Арифметика». Христиани взял в руки книгу, прочитал на обложке фамилию автора: «Леонтий Магницкий».

— Нда-с! То русский. А русский автор — совсем не лучший.

Нескрываемое пренебрежение в голосе и жестах Христиани неприятно покоробило Ползунова.

— Иных авторов не знаю. Магницкий же доступен манерой объяснения и слогом. Российский академик Михайло Ломоносов, будучи юношей, нес эту книгу из Архангельска в Москву: в своей котомке и назвал ее «вратами учености».

И тут же Ползунов мысленно упрекнул себя в излишней горячности. Форма и тон обращения со старшим начальником показались далеко не уважительными.

— Прошу простить меня, высокогородный господин...

Христиани, к удивлению Якова Беэра, совсем беззлобно перебил Ползунова.

— А мне нравятся твои слова, гиттеншрейбер! Не всякий в твоём положении способен так открыто и настойчиво отстаивать свои суждения, хотя бы и не совсем правильные! Ищущий ум приходит к ним через трудный путь и защищает их, как мать детенышей.

Христиани вышел не попросившись, как иногда бывает с людьми, чем-то чрезмерно возбужденными или удивленными.

Яков Беэр пружинисто подпрыгнул на скамье. Заговорил часто-часто. Слова толкали, сбивали друг друга. Причина душевной вспышки товарища постепенно становилась понятной.

— О, — Яков указал на дверь, — мой соотечественник! Я же его не люблю. У него только оболочка человека. В душе же дюжина лягушек, оттого в ней вечный холод, как в гиттеншрейберской. Он никогда не произносит слов одобрения. Поздравляю тебя, Иван: ты заслужил невозможное — похвалу самого Христиани!

Коротко вздохнув, Яков Беэр круто повернул разговор.

— А знаешь, почему он так поступил? Вот почему. Через похвалу тебе сделал внушение мне. Открыто сказать боится. Из-за моего дяди, известного тебе генерал-майора Андрея Венедиктовича Беэра.

Слова Якова не явились новостью для Ползунова. Они лишний раз напомнили о разнице в положении двух гиттеншрейберов.

Яков пошарил в столе. В руках появилась глиняная обливная бутылка.

— К черту все, Иван! Минут через двадцать пойдем на покой. Сегодня день моего рождения. Давай выпьем!

Гиттеншрейберская наполнилась бульканьем хмельного, истекавшего из бутылки в глиняные кружки.

— Поздравляю, Яков! Желаю самого хорошего тебе. Только пить хмельного не стану.

— Не станешь? Отчего же?

Яков долго держал кружку в вытянутой руке. Вдруг рука резко, вроде от удара, согнулась. Сочно запахло пролитой водкой.

— Понимаю тебя, Иван! Ты... ты, как и другие, тоже боишься... неприятностей по службе. В таком случае, будь здоров!

Содержимое кружки Яков выпил необычно для Ползунова — в один глоток. Потом долго растирал манжетом куртки горевшие губы.

— Яков, пойми меня правильно. Я никого и ничего не боюсь. Просто не привык пить водку. Противная она. Не обижайся!..

Отношение к водке у Ползунова определилось еще в раннем детстве. Во время редких побывок отец, бывало, напивался до синевы на лице. На жену, неповинную ни в чем, набрасывался коршуном, матерно, с вывертами ругался, куражился.

— Дашка! С-с-сапоги мои с ног... Ать-два... до-ло-ой! А! Ослушничать! Это при мне! А без меня поди-ка слободским парням пятки цалу-е-шь! Пошла с глаз, стерва! Прибью!

Однажды девятилетний Иван, ученик словесной школы, повис на руке отца, занесенной для удара, вцепившись в нее зубами.

— Никак сбесился, звереныш!

Испуганная мать сжала до отеков в пальцах свободную руку мужа.

От изумления и боли у отца мгновенно

улетучился хмель. Еле разжал омертвевшие челюсти сына. Долго рассматривал на руке синее с неровными краями ожерелье — следы зубов, потом взглянул в лицо сына, не по-детски жесткое от отчаянной решимости.

— Молодец, Ванюха! Славно подлечил меня. А вот совсем не вылечишь. Потому что в кровь просочилась зараза — вино.

Потом серьезно, как с равным, заговорил: — Мне куда ни шло. Жизнь нескладная, солдатская у меня. Ты, может, иной тропинкой прошагаешь. Запомни, что не резон тебе иметь сходство с отцом. Когда вырастешь, сбереги себя от водки. Понял?

— Понял. Ты сам поменьше пил бы, мамку не поносил.

Отец ничего не сказал заплакавшему сыну. После того случая стал реже появляться пьяным, буянить...

В масляных глазах Якова Беэра Ползунов прочел желание выпить еще.

— Хватит, Яков! Давай солью в бутылку. Придешь домой, выпьешь.

Ползунов проживал в маленькой комнатке у купца Прихожева, не слишком богатого, но и не последнего достатка. При Барнаульском заводе Прихожев поселился по указу Кузнецкой воеводской канцелярии. На купца взвалили маркитантскую повинность. В разные времена года он закупал скот у крестьян дальних и ближних деревень, переводил на мясо. Мясо поставлялось к столу горных офицеров, служивой братии. Мастеровым, или заводским рабочим, перепадали самые крохи.

Краткая летопись Барнаула

3. «ОБЛЕГЧИТЬ ТРУД ПО НАС ГРЯДУЩИМ...»

Гнет и бесправие не могли убить в русском человеке извечное стремление внести «живинку» во всякое дело. Алтай стал родиной многих замечательных изобретений. Величайшее из них — «огненная машина», первый в мире универсальный пароатмосферный двигатель, созданный шихтмейстером Барнаульского завода Иваном Ивановичем Ползуновым. В 1763 году он разработал проект двигателя, макет которого находится ныне в краевом краеведческом музее. Однако в ходе строительства Ползунов значительно переработал его, увеличил размеры, довел мощность с 2,63 до 40 лошадиных сил.

Коренное отличие «огненной машины» Ползунова от существовавших в Европе пароатмосферных двигателей состояло в том, что она была непрерывного действия и предназначалась для выполнения всех видов горнозаводских работ. «Служитель» Барнаульского завода на 21 год опередил создателя паровой машины двойного действия англичанина Уатта.

Всего семь дней не дожил гениальный изобретатель до пуска своего детища. 16 [28] мая 1766 года, в возрасте 37 лет, он скончался от чахотки.

Маркитантский промысел не шел в пророст купеческому делу. Мясо для заводских нужд принималось по установленным начальством «приемным» ценам, намного ниже «свободных», или рыночных. Купцу приходилось мириться с тем. Попробуй только возразить! Головы не успеешь повернуть, как по указке генерала Беэра воеводская канцелярия из купеческого сословия отчислит в мастеровые службы. Тогда не то, что копейку приумножить, а от недоеда и вечной работы на матушку-императрицу ногой ни двинуть, спины ни разогнуть. И так до гробовой доски. Не даром в указах канцелярии и других бумагах мастеровых называли вечными работниками.

Вот купчишка и вида не подавал, что обременен заводской повинностью. Напротив, при встрече с большим и малым начальством довольную и угодливую улыбку на лице изображал, чуть не ломался в поклонах.

Не зря Прихожев изворачивался — все же получил от начальства столь вожделенную привилегию на вольный торг мясом.

— Только смотри у меня, козел, чтобы никакого ущерба твоей повинности не вышло! Понял?

В ответ на предостережение начальника комиссарского правления, которое ведало всеми хозяйственными делами канцелярии, Прихожев осенил себя широким размашистым крестом, потом замер в клятвенно-торжественном коленопреклонении.

Торговля шла бойко. На Барнаульском рынке не находилось человека, который потягался бы с Прихожевым в умении выгодно и быстро продать товар. Купец перерождался, когда становился за прилавок. Зычный и трепетно-призывный голос переливался на самых разных нотах, птицей шараялся над торговыми рядами, глушил базарный шум. Люди так и шли на шутки-прибаутки, которые щедро расточал купец:

— Приходи, заходи, на мясо погляди! Если хочешь мяса гожего, не обойдешь Кузьму Прихожева! Свежати́на — первейший сорт, еше душа не отлетела!

Ползунов встретился с Прихожевым в первые дни своего приезда на Барнаульский завод, когда еще не приступил к службе и знакомился с посадскими строениями. Заглянул в торговые ряды, долго и замороженно наблюдал за купцом. Тот по казенной одежде распознал в Ползунове заводского служителя.

— Купил бы, барин молодой, говядинки заливной! От нее душа бодрей, телеса сильней!

Купец так и манил приветливым взглядом. Ползунов вроде ощутил, что его подталкивает какая-то непонятная и неотразимая сила. По-

дошел к прилавку и тут только заметил, как по груди купца змеевидными ручейками расплескалась красно-рыжая борода. В глазах, глубоко утонувших под кустистыми бровями, искрило веселое озорство. Ползунов нарочито долго и придирчиво рассматривал аккуратно порубленное на куски мясо.

— Нет, не подходящее! Скотина, видать, была великовозрастной. От того у мяса волокон крупные, кровянистые, а жир цвета яичного желтка. Потощее да помоложе мяса, вроде телятины, взял бы.

Купец на какую-то минуту прикусил язык. Потом не без почтения заметил:

— Из ранних, видно, барин, коли верное понятие имеешь в мясе. Нет ничего похвальнее для молодости, чем мудрость житейская. Изволь, барин, для тебя сыщется желанное. И в цене не поупорствую.

На прилавок полетели новые куски мяса. Купец бросал их с нескрываемой лихостью, как бы подчеркивая, что не оскудела его фирма.

— Каков выбор? А? Сам сибирский губернатор не погнушался бы отведать такого мяска! Какое на тебя, барин, глянет, такое твоим станет!

В голосе купца звучали вызов и гордость. Ползунову и мясо-то совсем не нужно. Весь разговор затеял единственно, чтобы острое словцо из купчишки вытянуть и послушать. Но все же пришлось купить телячью лытку, чтобы не оказаться пустословом.

Через несколько дней после того начальство определило Ползунова на квартиру. Ее хозяином оказался Прихожев. Ползунов несканзанно удивился тому. Поначалу даже показалось, что первая встреча с Прихожевым предопределила последуюшую.

В редкие свободные от службы, или гульные, дни Ползунов видел хозяина постоянно занятым какою-нибудь работой. То сало топит, то овчины заквашивает, сушит или отмикает. В доме стояли крепкие запахи. При раскрытых дверях они чуть ослабевали, но не исчезали совсем. Казалось, сами толстые бревенчатые стены источали кислятину и смрад. От увлечения делами купец становился сосредоточеннее и строже. Язык делался вроде совсем другим, неповоротливым, ленивым на слово. Лишь в минуты короткого отдыха купец вырывался из плена дел, неузнаваемо светлел, пускал острое словцо, как стрелу из лука. К квартирному подступал шумно и неотвязчиво:

— Чево томишься в келье, барин, книжкой глаза истязает? Шел бы на волю. Божья благодать там — воздух свежий и густой. В полную грудь не надышешься. А солнце

какое? Как в пасхальный день играет, вместе со всем живым приходу весны радуется! Кто знает, в какой уголок забрел бы я, не будь неотложных дел!

Молчаливо соглашаясь, Ползунов благодарно улыбался. «И в самом деле, отвлечься от всего не без пользы...» В гульные дни Ползунова часто одолевали навязчивые и тревожные думы о родине. Рождалась щемящая душу неутрахающая тоска. Ее не могли даже вытравить или утихомирить чтение «Арифметики» Магницкого, решение математических задач, упражнения в черчении и рисовании. До нитя в голове думалось о матери.

Ползунову казалось, что без него мать лишена последней защиты, что жизнь придавит, сломает ее. От этого бурно закипала обида на отца, появлялось дерзкое желание поколотить его, больно и жестоко. Воспоминание об отце всегда почему-то раздражало и ожесточало...

Высокая грива густо поросла березняком. Между березами — низкие, чуть не вповалку заросли черемухи, калины, боярышника. С гривы отчетливо видны плавильная фабрика, рудные сараи и другие строения Барнаульского завода, как пояском охваченные крепостью. Крепость была палисадной — толстые бревна забраны в мощные кирпичные столбы. Над крепостью торчали боевые башни с пушками и колоколами для пальбы и оповещения заводского гарнизона в случае нападения местных кочевников-джунгар, считавших здешние земли своими и не мирившихся с появлением на них русских поселений.

Правда, крепость — защита не из надежных. На смолистых стенах, стояло их поджечь,

дружно занимался огонь. И все же начальство упорно полагало, что прежде чем запылает крепость, пушечная пальба и мушкетная трескотня непременно обратят в бегство неприятеля. Крепость густо облепили посадские домишки, от копоти и застарелой пыли черные, будто обугленные. Утились в них заводские мастеровые, солдаты и немногочисленные мещане. Эта часть посада у самой подошвы косогора называлась мастеровской и солдатской слободой. Лишь по левому берегу речки, которая носила нерусское название Барнаул, проглядывали дома посолднее, почище, ладно сбитые, со строгой столярной отделкой снаружи. То была офицерская слобода.

Сверху Ползунов подмечал самые мельчайшие черточки в облике заводских и посадских строений. Картина представлялась мрачной, неуютной. Невольно напрашивалось сравнение с Екатеринбургским заводом, который при самом беглом взгляде казался намного внушительнее. И не столько значимой казалось Ползунову сейчас разница во внешности двух заводов. Иное проплывало перед глазами. Внутри Екатеринбургского завода размещались самые совершенные токарные станки, мощные плющильные и обжимные станы, боевые молоты и множество других машин и механизмов. Там всегда господствовали безумолчный грохот, скрежет, лязг и звон металла, который был послушным и гибким. От увиденного и услышанного в первый раз Ползунова сковали оцепенение и почтительное молчание. Лишь позже, через немалое время, казавшееся ошеломляющим стало обычным, малоприметным. В свободное время из меха-

Краткая летопись Барнаула

23 мая 1766 года начались испытания машины, продолжавшиеся до 4 июля.

7 августа 1766 года состоялся пуск первой в истории теплосиловой установки, предназначенной для непосредственного привода заводских механических агрегатов.

Машина работала с 7 августа по 10 ноября, в общей сложности 1093 часа. За это время она не только окупилась затраченными на нее средства, но и дала чистой прибыли 11016 рублей.

10 ноября у нее прогорел котел, сделанный из тонкой листовой меди. Его никто не пытался восстанавливать. Свыше пятнадцати лет замечательное изобретение стояло в бездействии, разрушаемое временем. Потом машина была сдана на слом, а имя ее творца забыто на долгие годы.

Участь Ползунова не была исключением. 100 лет пролежали в архиве проекты воздухоудной машины и паровой машины двойного действия горного инженера Барнаульского завода Степана Литвинова. Был отвергнут проект первой русской турбины инженера П. М. Залесова, многие проекты выдающегося гидротехника К. Д. Фролова и др.

Царская администрация заводов и рудников, обеспеченная в избытке дешевой рабочей силой, не была заинтересована в механизации труда.

1087 677 17

нической фабрики Екатеринбургского завода Ползунова вытягивало жгучее любопытство к многооконному зданию заводской лаборатории. В одной из ее комнат хранилось то, что всегда приводило Ползунова в жаркий трепет — книги.

Доступ к ним имел строго определенный и узкий круг лиц. Не только безнадежная недостижимость книг создавала им в представлении Ползунова ореол неразгаданной таинственности и вызывала безмерное почтение. Книги на многих языках собрал в разных странах сам начальник Главной канцелярии Сибирских и Казанских заводов Василий Никитич Татищев, человек большой учености, широких интересов, сторонник распространения просвещения и науки. Татищев создал на Урале для детей мастеровых и заводских служителей словесные и арифметические школы. За одно это он был живым божеством для Ползунова. Татищев добивался демократизации обучения с тем, чтобы, кроме теории, ученики «применялись руками» к разным ремеслам: токарному, столярному, паяльному, резанию и гранению камня. Идеалы высокого начальства были близки и понятны солдатскому сыну и вместе с тем вызывали недоумение и удивление своей новизной и смелостью. Сейчас Ползунов с особой отчетливостью вспоминал до самых мелких подробностей годы учебы в словесной и арифметической школах. В первой учили читать по азбуке, букварю, часослову и псалтыри. Учитель Никита Артемьев заставлял Ползунова, как лучшего ученика, читать вслух всему классу нравоучительное сочинение Феофана Прокоповича «Учение к отрокам». В праздничные дни учеников заставляли петь в церковном хоре. Как и при классном чтении, голос Ползунова выделялся среди других чистотой звучания и звонкостью. В арифметической школе изучались арифметика, геометрия, тригонометрия, черчение, рисование, пробирное дело, механика, латинский и немецкий языки, горное дело.

Свободного времени у учеников почти не было. Занятия продолжались весь световой день. И все же Ползунов находил время, особенно в летнюю пору, чтобы побывать за крепостью, посмотреть на ее строгие очертания с приречных холмов или искупаться в обжигающих водах Исети. В мире природы дышалось легче, без остатка растворялись самые неотложные заботы, рождалось то восторженно-созерцательное настроение, которое не оставляет места в душе человека другим чувствам, кроме умиротворения.

Однажды Ползунов не рассчитал времени перерыва и, возвращаясь с реки, опоздал на

урок рисования. Класс встретил напряженным и гнетущим молчанием. От затаенного выжидания и любопытства, смешанных с предчувствием недоброго, лица учеников показались окаменевшими. Учитель Федор Санников, насупленный и безмолвный, нервно прохаживался у доски. По беспорядочным и суетливым движениям рук, беспокойному, бегающему взгляду плохо угадывался учитель, всегда уравновешенный, неторопливый. Ползунов понял, что именно он явился причиной необычного настроения всего класса и учителя. От этого стало неловко до жгучей красноты на лице, шее и руках.

— Садись, Ползунов! И быстро приготовься к рисованию!

Класс облегченно вздохнул: вроде бы пронесло, урок пошел по проторенной дорожке.

Ползунов же думал иначе. «Лучше выругал бы. Из класса выдворил, как других учеников... Намного легче было бы на душе...» От ровного, без срывов, звучания голоса учителя в душе Ползунова закипало раздражение.

— Сегодня, ученики, первый необыкновенный урок — свободный. Каждый из вас по выбору нарисует геометрические фигуры, стоящие перед вами, или что-либо другое, виденное ранее и хорошо сохранившееся в памяти. Главное — не спешить. Рисовать продуманно. Обратите пристальное внимание на перспективу изображений, правильное наложение и чередование световых теней.

Сосед по парте толкнул Ползунова в бок, торжественным полусшепотом опалил ухо:

— Поспешай, Ванюха, сам господин Татищев должен заглянуть в класс...

«Сам господин Татищев! Бывалое ли дело! Как же я смел опоздать на урок? Я же мог и не увидеть господина Татищева. Вот уж чего нельзя простить! Ай-яй-яй!»

В классе стоял сухой сосредоточенный шепсел. Над листами добротной, с нежно-голубым отливом бумаги низко склонялись головы учеников. Уличив себя в бездействии, Ползунов принялся рисовать с лихорадочной быстротой и каким-то особым, незнакомым ранее душевным подъемом. Частые резкие взмахи руки оставляли на бумаге верные и плавные контуры задуманного рисунка. Умело оттененные, они постепенно оживали, обретали законченность и совершенство.

Татищев вошел в класс один, без каких-либо сопровождающих. Вошел так бесшумно, что его приход с запозданием заметил сам учитель, который опрометью бросился навстречу. На приветствие учителя и вскочивших учеников Татищев ответил широким успокоительным жестом. Было в нем что-то осо-

бенное, совсем несвойственное высокому са-новнику. Лицо не выражало и тени властной напыщенности. Фигуру не сковывала горделивая осанка. Вместо трескучих словесных правоучений Татищев занялся наблюдением за работой учеников. Проходя мимо столов, он молчаливо склонялся, всматривался в бумагу, неторопливо задавал вопросы учителю.

Ползунов закончил рисунок. Тревожное и томительное ожидание замедляло течение времени. Минуты казались мучительной вечностью. «А вдруг зазвенит звонок...» Так хотелось увидеть Татищева совсем рядом!

Вот Татищев подошел к Семену Черемисинову, первому и постоянному сопернику Ползунова по учебе, взял в руки рисунок. Долго вертел в руках, рассматривал с разных световых позиций.

— Неплохо, неплохо! Геометрические фигуры на бумаге выглядят натуральными, потому как световые тени наложены и чередуются вполне закономерно...

Ползунов сидел за последним столом. Отсюда хорошо заметно, как от похвалы шею и уши Черемисинова охватил пожар, как беспокойно задвигались плечи.

Татищев подступил еще ближе.

— Лучший ученик класса Иван Ползунов, ваше превосходительство...

Учитель замер, выжидая, что скажет Татищев. Тот необычно долго с разных дистанций рассматривал рисунок Ползунова. Постепенно молчаливое удивление на лице Татищева сменялось довольной улыбкой.

— Встань, Ползунов! Похвально! Весьма похвально! — заговорил он с откровенным восхищением. — Екатеринбургская крепость

нарисована в самой верной и тонкой перспективе. В рисунке наличествуют высокое исполнение, художественная память и фантазия. Благодарение, отрок, за талант твой! Потрудитесь, господин учитель, записать мою похвалу в формуляр ученика Ползунова!

Ползунов плохо улавливал смысл сказанного. Перед глазами словно непроглядный молочный туман. Слова Татищева звучали глухо и неотчетливо — будто пробивались через стену или подушки, наложенные на уши...

Христиани ошалело бегал по кабинету. Как всегда при сильном возбуждении, он отчаянно ругался. При этом коверкал русскую речь, пересыпал ее родными, немецкими словами.

— Больван! Доппельтенар! Важнейшее донесение в кабинет ея величества! А как безобразно оно выглядывает! Посмотрейт только! Ужас!

На столе лежали разбросанные бумаги, испещренные неровными зыбкими строками. В них буквы, как пьяные, вкривь и вкось. Казалось, они непременно упали бы, не будь скрепленными, как скобами, редкими титлами.

Виновник испорченного настроения Христиани — канцелярист Мартын Второй стоял ледяным изваянием здесь же. Ему думалось — пошевелись он, издай какой-нибудь звук или даже громкое дыхание, и бесконечный гнев Христиани обрушится с новой силой. Длиннющий отчетный рапорт в царский кабинет о действии Колывано-Воскресенских рудников и заводов, ведомости о выплавке золота и се-

Краткая летопись Барнаула

4. «МУЖИ, ДЕЛАЮЩИЕ ЧЕСТЬ ОТЕЧЕСТВУ...»

В 1817—1830 гг. начальником Колывано-Воскресенских заводов был П. К. Фролов, строитель первой в России рельсовой железной дороги, сын знаменитого гидротехника К. Д. Фролова. Задумав большое строительство в Барнауле, он в 1820 г. направил в Петербургскую академию художеств маркшейдерского ученика Барнаульского завода Я. Н. Попова, верно угадав в нем талант. После двух с половиной лет учебы Я. Н. Попов четыре года работал под руководством Карла Росси.

С 1829 по 1852 гг. все строительство в Барнауле велось под руководством Я. Н. Попова, в том числе памятника и комплекса зданий на Демидовской [ныне Пионерской] площади, известных под названием «Уголок Петербурга».

П. К. Фролов и Ф. В. Геблер являются основателями краевого краеведческого музея [открыт в 1823 г.].

Ф. В. Геблер, уроженец Германии, доктор медицины, ботаник, энтомолог, исследователь Алтая, жил и работал в Барнауле с 1809 по 1850 гг. Здесь он обрел вторую родину.

ребра должен был написать канцелярист Илья Хлопин. При его отсутствии по делам службы Христиани поручил работу Второму. И вот...

Может, в десятый раз на какое-то мгновение Христиани остановился у стола и просто-на-просто мысленно представив возмущение генерала Безра при виде неряшливо выполненного документа, который надлежало подписать. Переписка документа заново отняла бы немало времени. К тому же нарушался срок его представления в Петербург. От этого возрастало возмущение Христиани. Звук падающих предметов, нечаянно поверженных на пол, теперь оказывался вне его внимания.

— Отвечайт без малейшей утайки! Пьян был, когда писал? А? Пьешь много, мерзавец, не думай, что я не знаю!

В Барнаульском посаде безызвестно, что канцелярист водил самую близкую дружбу с винными ценовальниками. Они, если не было денег, Второму отпускали хмельное под жалованье. От безмерного возлияния Второй всегда приходил в буйное состояние. Как-то он, пьяный до зеленых чертиков, повстречал в гульный день дьячка слободской Захарьевской церкви Петра Хавова и пришел к месту пьяными, нараспев словами:

— Ку-у-у-ды бре-е-е-дешь, Ани-и-и-сья? Чай, про до-о-лг за-а-бы-ы-ла? Дай по-о-целую — и кви-и-и-ты!

Дьячок еле оторвал ноги с места, чтобы отпрянуть в сторону.

— Свят, свят, раб божий Мартын! Протри очи помутневшие, воззри, кто истинно перед тобой!

Второму послышалось совсем другое, будто его должница солдатка Анисья ответила обычным отказом. Приблизился к дьячку вплотную и рванул, что было силы за полу новерхонькой рясы. Та затрещала, разорванная надвое.

Дьячка считали человеком примерной благочестивости и потому по совместительству предложили должность учителя в словесной школе, только что открытой при Барнаульском сереброплавильном заводе. Правда, дьячок не был лишен слабостей человеческих. Как и Мартын Второй, хмельного не чурался. Но, в отличие от канцеляриста, пил умело, тайком не только от посторонних людей, но и от жены своей. Жена всегда первой ложилась спать. Как только ее мелодичные всхрапывания оглашали спальню, дьячок не спеша и со вкусом выпивал положенное количество хмельного и туго набитым мешком валился под бок подруги... Как ни таился дьячок, а смутный слух о его слабости сдержанно полз по посаду.

На другое утро протрезвевшего Второго отменно отругала жена и без промедления погнала с повинной к дьячку. Тот много дней строил обиженное лицо, давал понять, что склонен жаловаться по светской «команде». Не один штоф водки перетаскал канцелярист, прежде чем дьячок наконец пообещал, что «предаст прочному забвению» обиду свою. Неужели все-таки пожаловался? Самому Христиани, каналья?

Мартын виновато топтался на месте, уводя в сторону глаза. Но напуганный грозным молчанием Христиани и сообразив, что шила в мешке все равно не утаишь, решился на полупризнание:

— Грешен, ваше высокородие-с... Хмельного лишку воспринял-с, от того на другой день руки достоверно плясали-с... В остатные дни был слух, и письмо получилось ровное... сами изволите видеть-с...

— Где ровный! Всякий строк туды-сюды ходил! Зачем начальству вraith, что один день пиль? А? Надо писайт, как гиттеншрейбер Ползуноф! Поняль?

Христиани устало плюхнулся в кресло и тотчас низко склонился над столом. В его руках бешено забегало, визгливо заскрипело гусиное перо. Спотыкаясь о шероховатую бумагу, оно сеяло по сторонам мелкий чернильный дождь. Кончив писать, Христиани откинулся на высокую спинку кресла, несколько минут сидел со смеженными веками глаз. Он старался мысленно отвлечь себя от происшедшего, чтобы ослабить охватившее его возбуждение. Постепенно лицо Христиани обрело обычное выражение холодной непроницаемости. Глаза потухли, но их неподвижный взгляд для Второго казался тяжелее свинцовой глыбы. К Христиани вернулся дар размеренной и подчеркнута правильной русской речи, обычно свойственной иностранцам. Он позвонил колокольчиком, сухо отчеканил вошедшему:

— Капрал Беликов, вот ордер!.. В нем предписано наказать сего канцеляриста перед началом службы при стечении всей канцелярской братии и в назидание ей. Пятьдесят плетей и под барабанный бой воинской команды...

Вторый стойко перенес наказание. Не верещал, не извивался под плетью, как уж на огне. Лишь на последних ударах накоротко лишился сознания. Шаткой походкой добрал до дому. Жена встретила молча, без угрожающе поднятых кулаков. Долго скребла ножом чистую холстину. Потом мягкой, как лебяжий пух, холщовой струганиной присыпала кровавые рубцы, изрезавшие спину мужа. Второй не призвал, как другие, на помощь заводского лекаря, на другой день вышел на службу.

Саднящую боль в подсыхающих рубцах переносил при посторонних людях без видимых признаков на лице. Боль эту глушила горькая обида, которая каленой иглой пронзила все существо Второго.

Ему, канцеляристу по восьмому году, еще до приезда на Барнаульский завод с Урала не раз доводилось сочинять челобитные в сенат, различные бумаги на высочайшее государю имя. С гордостью за себя Второй мысленно рассуждал: «Документы те может написать лишь искусный сочинитель, как гласит указ, равно знающий язык, логику и законодательство, постигший искусство каллиграфии. В слоге тех документов должны сочетаться ясность, простота и чистота. Только так и не иначе! А высочайший титул? В его написании боже упаси от каких-либо погрешностей и неисправностей! Перед прочими словами титул непременно выделяется крупными, отменными буквами...»

И вот в пример искусенному канцеляристу начальство ставит какого-то гиттеншрейбера Ползунова, совсем юнца в службе. Мыслимо ли такое! В душе Второго рядом с обидой на начальство рождалось чувство безрассудного озлобления на Ползунова. И чем больше времени проходило после наказания, тем сильнее охватывало Второго это злое чувство.

«Выпадет случай, под девятое ребро поддену Ползунова. Узнает, кто такой Мартын Второй! В глазах начальства не посрамлю своего доброго имени».

Из Кузнецкой воеводской канцелярии за три дня до праздника Троицы возвратился

Илья Хлопин. Он привез важные бумаги от воеводы на имя Беэра, секретные сводки, из походной канцелярии генерал-майора Киндермана о движении неприятеля у границ Колывано-Воскресенской округи. Войска Киндермана несли гарнизонную службу вдоль укрепленных пограничных линий.

Служивую братию интересовали не бумаги, а содержимое обоза.

— Кое-что есть и для нас, — утешал Хлопин, — к примеру, сукно казенное на новую обмундировку, провиант — крупы разные, сало топленое баранье и говяжье, бумага простая и гербовая, чернила стойкие.

Мартын Второй слушал безразлично, с кислым, разочарованным лицом.

— Ай не по душе известие? Не рад, что расстанешься с дырами на кафтане и портах!

— Поговорить бы наедине с тобой, Илья! Душу излить бы!

Когда оказались с глазу на глаз за рудным сараем, Мартын молчаливо и поспешно сорвал со спины одежду. Изумленный Хлопин увидел глубокие и рваные, иссиня-багровые шрамы, густо искрестившие кожу. Местами на шрамах трепетали тонкие белые волокна, напоминавшие только что проклюнувшееся, нежное птичье оперение.

— Видишь? Любуйся, пока глаза не притомятся! Из-за тебя пятьдесят плетей схватил!

— Ой, что-то не то! Ври, ври, Мартын, да через край не переваливай!

— Нет резону врать мне! Кто должен управлять бумагами в кабинет ея величества? Ты! А пришлось мне!

Краткая летопись Барнаула

По инициативе П. К. Фролова были открыты любительский театр (1829 г.) метеостанция (1833 г.), картинная галерея, расширена заводская библиотека. Он многое сделал для улучшения постановки преподавания в горном училище, старейшем среднем техническом учебном заведении Сибири, основанном в 1779 г. (с 1897 г. — реальное училище).

В 1823 г. сыном барнаульского мастерового П. Г. Ярославцевым была построена первая в Сибири бумажная фабрика.

В 1829 г. начала работу первая типография, печатавшая бланки документов, отчеты.

Широкую известность приобрела разносторонняя деятельность С. И. Гуляева (1803—1888 гг.), краеведа, историка, этнографа, «живой энциклопедии» Алтая. Уроженец Локтевского завода, он после окончания барнаульского горного училища жил и работал в Петербурге, с 1859 г. — в Барнауле. Он открыл способ окраски овчин в черный цвет, нашедший самое широкое применение, первый вырастил яблоко в Сибири, основал курорт в Белокурихе. С. И. Гуляев — автор многих работ по истории Алтая.

В Барнауле жили и работали изобретатель русского булата П. П. Аносов, известные ученые Г. И. Спасский, В. В. Радлов, П. И. Шангин, Э. Г. Лаксман. Здесь родился и окончил горное училище И. А. Куцевский (1847—1876 гг.), первый писатель Алтая.

— И что же с того?

— А вот то, что на ту пору оказался я за-
хмеленным. Сам знаешь, каким получается
письмо, когда пальцы трясью одержимы.

Все тело Хлопина задергалось от громко-
го смеха.

— И развеселил же ты меня, Мартынуш-
ка! Значит, говоришь, оказался захмеленным,
а вина моя?.. Да, давненько не смеялся я так
от души! Вот уж спасибо тебе превеликое!

Едва уняв смех, Хлопин смахнул с ресниц
нависшие крупные слезы. Построжевший до
появления морщинок на лице, увразумил за-
булдыжного сослуживца спокойными сло-
вами:

— Самый глупый человек обзовет тебя ду-
раком, что в вину ставишь мне наказание.
Лучше сознался бы, что хмельного жаждешь
испытать. Ради того и на меня ястребом нале-
тел, окольный разговор затеял.

* Перейдя на дразнящий полупешот, Хлопин
сообщил весточку, от которой лицо Мартына
стало возбужденно радостным:

— По секрету скажу — в Кузнецке по са-
мой низкой цене и в достатке прикупил хмель-
ного.

— Чего ради раньше молчал, душу изво-
дил?

— Не обо всем сразу, Мартынушка.

— Угости самую малость, не томи!

— Обязательно, Мартынушка, только не
сейчас. Приходи в день моего тезоименит-
ства — гостем будешь!

— Это через два месяца-то? Можно два-
жды подохнуть и воскреснуть! Уважил! Спаси-
бо за угощение и бывай здоров!

В Ильин день погромыхивал гром. Илья-
пророк, разъезжая на небесной колеснице, к
тому же еще кропил землю холодным уборис-
тым дождем. Как бы напоминал, что после
этого дня тепло пойдет на спад, похолодает
вода в реках. Ничего не скажешь — заботли-
вый пророк. Особенно для тех людей, у кого
лень велика или память коротка. Временами
небо очищалось от туч, украшалось полукру-
жиями цветастых радуг. Щедро светило солн-
це. Игра цветов и света придавала небу
праздничный, торжественный вид. От земли
исходили густые терпкие запахи испарений.

Торжество царило и в деревянных стенах
тесного домика Хлопина, выплескивалось на-
ружу через открытые настежь окна. За двумя
небольшими столами, сдвинутыми вместе,
плотно, утиной стайкой жались друг к другу
гости. Мужья с женами сидели по одну сто-
рону стола, по другую — мужчины холостые
или пришедшие одиночно. На почетном мес-
те, в вершине стола, восседал священник пер-
воапостольной церкви Петра и Павла отец

Василий Комаров. Угощались на господский
«манер» — из жбанов, стоявших на столе,
каждый наливал себе и пил, сколько душа
просила. Гости, охочие до хмельного, развя-
зали языки через считанные минуты. Те, что
повоздержаннее, поскромнее, напротив, сохра-
няли трезвость. Мартын Второй захлебывал-
ся в пьяном бахвальстве:

— Первый гость — я! А почему? Да по-
тому, что из великого уважения ко мне Илья
Хлопин пригласил на тезоименитство, когда
приехал из Кузнецка, не успев с сапог сбить
пыли. От того и первый!

Жена больно ткнула Мартына кулаком в
бок, выразительно прошипела на ухо:

— Замолчи, пустозвон окаянный! Нешто
спина про плети забыла?

Мартын пересел на мужскую сторону.
Здесь верховодил Яков Беэр, успевший из-
рядно выпить.

— С прибылью, господа! Сам Мартын пе-
реметнулся к нам, не убоившись жены своей!
За это, Мартынушка, по расписной кружеч-
ке! По полненькой, до краешков!

Мартын вместо одной осушил подряд две
кружки. Яков плутовато подмигнул застолью...

Ползунов сидел сбоку отца Василия Кома-
рова и вел с ним сдержанную трезвую беседу.
Священник, человек начитанный и просвещен-
ный, пил разумно, и ему пришлось по душе
полное воздержание Ползунова.

— Редким качеством души обладаешь, сын
мой. Береги его, это сокровище! Дела такого
человека богу угодны и втройне успешны.

Незаметно к ним подсел Мартын, испод-
тишка принялся теснить туловищем Ползуно-
ва. Тот непонятно смотрел на нового соседа.

— Чего кисейничаешь? Ай не по твоим
устам такое хмельное, что на этом столе? Пе-
рестоявшего хранцузского ему, господа, тогда
испил бы!

Отец Василий видел, как мрачнело лицо
Ползунова. Словами, жестом поспешил унять
обидчика.

— Бог дал людям един образ, а души раз-
ные. Доброе души начало не достойно осуж-
дения. На другое место сядь, Мартын!

Тот послушался, но за противоположным
концом стола внезапно прилип к Якову Беэру.
Снова выпив одну за другой две кружки вы-
сового зелья, Мартын оказался на самой выс-
шей точке опьянения и утратил власть над
своими словами и поступками.

— И до че-е-го же про-о-тивная го-о-ол-
штинская ро-о-о-жа!

Яков вытолкнул Мартына из-за стола к
выходным дверям. Мартын занес над ним
крепкий, увесистый кулак, обильно смоченный
слюной.

Бесшумно, тенью, Ползунов легко метнулся на выручку Якову, вовремя отстранил в сторону. На какой-то миг прозревший Мартын не то с торжеством, не то со злорадством прычал:

— А-а, это ты-ы! По-о-олу-у-учи дол-жо-о-ок!

Широкий замах придал силу кулаку. Ползунов стремительно приклонился. Кулак провисел вхолостую. Мартын не устоял, рухнул на пол. С треском рванул на себе ворот новой, расшитой по приполюку рубахи. Заревел истошно-визгливо, как перед казнью:

— На-а! Ко-о-ончай!

Поблдневший, но со спокойным лицом Ползунов медленно, с холодным металлическим отзвуком сказал:

— Лежачего, а пуще того пьяного, бить омерзительно!

По царским повелениям на поселение при Барнаульском сереброплавильном заводе сгоняли люд из Тобольска, Иркутска, Кузнецка и других сибирских городов. Такое делалось ради прибавки заводских работников и защитников крепости в случае нападения неприятеля. В память о насиженных местах новоселы в Барнаульском посаде рублили улицы: Тобольскую, Кузнецкую, Иркутскую и другие. Генерал Беэр и его помощники с самого начала во всем заводили строгость и военные порядки. Замечалось это и в облике возникавших улиц. Дома вдоль них выстраивались, как солдаты в безупречной шеренге. Улицы получались такие прямехонькие, что с начала в конец пройдешь с закрытыми глазами. И не-

двусмысленно улицы здесь именовали линиями.

В те дни тишину над посадом ломало немолчное оживление: стук топоров, кромсавших дерево, громкая перебранка. Не слышалось лишь смеха: новоселы приезжали не по своей воле, через великую неохоту. От терпких, щекочущих ноздри запахов сосновой щепы, дегтя и смолы, свежих красок и перележалого мха жижел стойкий смрад, который в избытке изрыгали обжигательные и плавильные печи завода.

Приезжие шарахались от заводской работы, как от чумы. Не останавливались ни перед какими жертвами, чтобы причислиться к торговому или ремесленному сословию. Добившись своего, выполняли разные побочные повинности, вдвойне, втройне выше против обычного. Горнозаводское начальство, имея от этого выгоды, все в больших количествах приписывало к заводам и рудникам и заставляло выполнять многие работы новые партии крестьян. Чаще всего крестьяне за сотни верст возили руды на плавильные заводы. Нередко в обширном дворе Барнаульского завода скапливались сотни крестьянских телег. На каждой из них — прочный ящик из толстых досок с высокими стенками. Одна — выдвигная для облегчения разгрузки.

В ящик помещалось двадцать пять пудов сереброзолотосодержащей руды. Часами толкались, судачили крестьяне, пока не подходила очередь взвешивания и ссыпки руды в отведенные сарай или кучи под открытым небом.

Летом Ползунов открывал окно гиттеншрейберской. Тяжелый, промозглый воздух

Краткая летопись Барнаула

5. СТО ЛЕТ НАЗАД

С 1854 г. началось пароходное сообщение между Барнаулом, Томском, Тюменью. В 1867 г. открыт телеграф.

В 1877 г. состоялись первые выборы в городскую думу. Из 13 тысяч населения избирательное право имели 1370 человек, приняли участие в выборах — 91. Гласными думы были избраны 26 чиновников, 19 купцов, 15 именитых мещан, один священник и 10 «прочих».

В 1884 г., по инициативе ссыльного народника В. К. Штильке, было создано «Общество попечения о начальном образовании». На собранные средства Общество построило две школы, Народный дом [1900 г.], открыло библиотеку.

Кроме заводского госпиталя на 45 коек, в городе имелась лишь одна больница на 10 коек, но без врача.

В 1889 г. в Барнауле было всего 8 школ, в которых обучалось 790 детей. В 1891 г. возникло «Общество любителей исследования Алтая». [В 1902 г. вошло в состав Русского Географического общества.]

становился мало легче или свежее. Под самым окном по земле, густо черной от рудной и шлаковой пыли, зелеными плешинами раскидались лужи застойной воды. Они остались от спуска паводковых вод по отводным каналам, издавали гнилостные зловония и становились особенно нетерпимыми, когда через лужи переезжали на телегах. С илистого дна на помутневшую поверхность луж густо выплывали крупные, с конский глаз пузыри и лопались со звоном быющегося тонкого стекла.

Через окно гиттеншейберской просачивался внешний мир с его тревогами, заботами и раздумьями. Ползунова захватывал этот мир, и он как бы становился его частицей.

Из сокровенных разговоров рудовозов перед невольным слушателем вставала обнаженная правда жизни, отгороженная стенами каморки, неведомая для постоянно занятого службой Ползунова. Мир этот властно звал к познанию, как «Арифметика» Магницкого или те книги, таинственные и недостижимые, которые хранились в Екатеринбургской лаборатории.

Кто-то густым, слежавшимся басом неторопливо и размеренно обсказывал свою незадачливую жизнь.

— Еще на Демидова приходилось мне работать. Матушка-государыня построже самого Демидова и работы поболе требует, потому как она единый и всемогущий повелитель рабам своим. Со Змеева рудника до Барнаульского завода двести пятьдесят верст. Опояшешь этаких концов десять-пятнадцать и забудешь, как ворота в свой двор открываются. О родных, а пуще всего о пашне, тоска едучая гложет. От заводской работы времечко свободное выпадет, так енту пашню, как зазнобу, холишь и лелеешь, ни дня ни ночи не замечаючи. Душу и силу выложить не успеешь, как снова старшины на работу кличут. Тоскует земля по хозяину, сором зарастает.

Ползунов, крадучись, словно боясь спугнуть сторожкую птицу, подошел к окну. Глянул одним глазом и несказанно удивился. Басил вовсе не здоровенный детина с грудью колесом, а низкорослый, сухостойный мужичонка. Поразила Ползунова и борода, которая расплескалась по груди мужика буйным огненным сполохом и змеилась по животу тугими, как заплетенные косы, прядями. Меднобородого перебил другой мужик, порослее и поосаннее:

— Вам, ереснинским мужикам, заводская работа способнее. От Барнаульского завода деревня Ересная на полвзгляда стоит и на самом Змеевом тракту находится. Я же жительство имею в деревне Запльвиной Чумышской слободы. За Обью рекой это. Почитай,

не один день в телеге трясешься, пока до Барнаульского завода дотарахтишь.

Меднобородый пустил шутку, явно неудавшуюся:

— От той тряски кишка не выпадет!

— А я и не говорю о том. Времечко дорого, мил-человек. У меня его нехватка — в раскольничьем окладе нахожусь. То понимать надобно!

Ползунов знал, что за каждого крестьянина, приписанного к рудникам и заводам, горнозаводское начальство вносило в государственную казну подушную подать, или оклад, — один рубль десять копеек в год. За это крестьянин отработывал на рудниках и заводах по плакатным или установленным начальством и намного заниженным расценкам. Отработывать приходилось в несколько раз больше полагавшегося.

Меднобородый запальчиво, но резонно посоветовал собеседнику:

— Клади крест по-людски, не двумя, а тремя перстами — работа наполовину полегчает.

«Намекает на то, что раскольники против других крестьян двойной подушный оклад отработывают», — подумал Ползунов и, выснувшись в окно, шутливо бросил меднобородому:

— Видать, не изработался, коли шустрый на язык!

— Работаем, как можем, господин писарь. От других не отстаем. Где силы не хватает, смекалку на помощь кличем! А язык, он без костей, мелет то, чем голова больна.

Меднобородый тотчас метнулся за плотно составленные ящики, где уже успели скрыться его собеседники, спугнутые Ползуновым. Чувство обиды охватило Ползунова. Чураются, словно нехристи какой! А ведь так хотелось откровенно поговорить.

«Может, в их поведении есть свой резон. Знают, что мои разговоры ничего не изменят в их положении и потому считают их излишним пустословием. А может, и так думают: вывернешь душу перед служивым и до беды недалеко, если начальству ябеду принесет...»

Весь остаток дня Ползунов хранил молчаливую сосредоточенность.

— О чем-то думаешь? — спросил Яков Бээр, но так и не дождался ответа.

Лишь поздним вечером, когда наступил спад в записях, Ползунов заговорил:

— Пользовался слухом, что при Демидове руды сплавляли по Оби и Чарышу. Разумная затея. Как полагаешь, Яков?

— А тебе не все равно — записывать в приход руды, доставленные по воде или сухопутью?

— Не о том я, Яков. Заводской двор всегда забит телегами рудовозов. Ежели водой сплавлять руды, кое-какое облегчение крестьянам выйдет.

Неожиданно и беспричинно для Ползунова Яков залился продолжительным смехом.

Потом беззлобно, с легким упреком пояснил:

— Смышленный ты, Иван, а с причудой. Если водой руду доставлять, то все равно крестьяне не будут сидеть праздно. По горло их насытят другой работой. Заставят больше дров ставить в лесосеках, уголь жечь, возить. Да мало ли чего!

— Пожалуй, ты прав, — согласился Ползунов. — А вот если о другом подумать...

— О чем же?

— Скажем, о надежных запасах руд для заводского действия.

— А! Брось голову толкать не в свой хомут! Для того есть начальство.

Безучастность Якова не вытравила мыслей Ползунова о водных перевозках.

В гульные дни Ползунов стал чаще бывать в доме Ильи Хлопина. Здесь нравилось все: приветливость и задушевность хозяина и его жены Евдокии, с которыми они встречали гостей, щебетанье их трехлетнего сынишки Мишутки, опрятность и полная чистота внутри домика.

Незаметно и Хлопины привыкли к Ползунову. Им пришлось по душе, что в госте уживались строгая рассудительность с откровенностью, сдержанность в чувствах с непосредственностью. Запал в душу молодых супругов и благородный поступок Ползунова касательно Якова Беэра в день именин.

Шло время, и Ползунов становился необходимым в доме Хлопиных. Его отсутствие, когда на то не было причин, сказывалось на настроении супругов. Даже Мишутка как-то умолкал, делался не по годам сдержаннее и строже. Однажды Ползунов не пришел в воскресенье на рыбный завтрак к Хлопиным. Илья, устав заглядывать в окно, отодвинул пищу и решительно сказал:

— Не хочется что-то, мать, убери.

— И мне тоже...

Ползунов все же пришел, но намного позже, возбужденный и радостный.

— Подумайте только! Живу у маркитанта Прихожева и лишь сегодня узнал, что у него дочь-красавица.

— Так вот почему задержка вышла! А мы уж решили...

Супруги оживились. Илья скомандовал жене:

— Подавай, мать, на стол! С голоду умираю!

Постепенно разговор вошел в обычное спокойное русло. Ползунов упомянул о перевозке руд по рекам. Хлопин после короткого и молчаливого раздумья сказал:

— При разборе архива, переданного приказчиками Демидова канцелярии, я встречал бумагу, в которой упоминалось о том.

Ползунов порывисто вскочил. Известие взволновало его.

— Что же там сказывалось?

— Помню в точности, что в том упоминании не названы ни место на Чарыше, куда свозили руды, ни деревни, через которые проходил путь рудников.

— Нда-а... Это хуже.

Краткая летопись Барнаула

1 мая 1893 г. Барнаульский сереброплавильный завод был закрыт. После крестьянской реформы 1861 г. горнозаводская промышленность Алтая, лишившись даровой рабочей силы, стала убыточной.

Город стал заурядным уездным центром. Главными отраслями промышленности в нем было пимокатное и овчинно-шубное производство. Шубы «барнаулки», окрашенные в черный цвет по способу, изобретенному С. И. Гуляевым, славились по всей России. Многочисленные свечные, мыловаренные, веревочные заводы были, по существу, карликовыми кустарными мастерскими, где царили грязь, теснота, антисанитария. Рабочий день повсюду продолжался 14—16 часов.

В 1895 г. стала издаваться первая газета «Ежедневные телеграммы Российского Телеграфного Агентства». Газета имела 120 подписчиков.

С 1896 г., с прокладкой Сибирской железной дороги до станции Обь (современный Новосибирск), алтайские хлеб и масло пошли не только в Европейскую Россию, но и за границу.

К тому времени в городе не было ни одной улицы с твердым покрытием. Его в насмешку называли «Пескопыльск».

Уловив спад в голосе Ползунова, Хлопин поддержал обнадеживающе:

— Добуду у геодезиста Пимена Старцева чертеж Кольвано-Воскресенским рудникам и заводам. Может, что и прояснится...

Обещание Хлопин сдержал, но на чертеже не оказалось обозначенной рудовозной дороги. Ползунов на всякий случай снял с него копию, которую постоянно и пристально изучал в минуты короткого отдыха.

— Ползаешь ты, Иван, по чертежу, как червяк на солнышке! И ни к чему! Поберег бы мозги для более полезных размышлений!

Ползунов никак не отзывался на насмешливые замечания Якова Беэра. Того начинало задевать за живое. Раз Яков не выдержал и попытался образумить Ползунова угрозой:

— Ты думаешь, Христиани скажет спасибо, увидев на столе этот планшет? Ошибаешься! Наперво скажет, что сие к твоей службе не принадлежит. Потом прикажет сдать планшет в канцелярию, а геодезисту какое-либо поучение, а может, и наказание устроит. Невинного человека под удар поставишь. Понял?

Ползунов свернул чертеж и вышел во двор. Уже в дверях бросил Якову:

— В твоём предупреждении много правды. И все же я не отступлю...

Во дворе скопище телег. Рудовозы, ссыпавшие руду и получившие о том отметки в специальных бумагах-ярлыках, оказались не в состоянии выехать из ворот, потому что снаружи напирала подвода с рудой, которых становилось с каждой минутой больше. Ползунов шел без видимого внимания к крикам, перебранке и разговорам рудовозов, выскивая кого-то глазами. В прошлый раз через мужиков ему удалось узнать имя меднобородого рудовоза. «Увидеть бы его да поговорить. Наверняка про многое расскажет. Только бы на разговор вызвать. Не спугнуть, как тогда».

Меднобородый оказался среди тех, которые еще не ссыпали руду.

— Здорово, Ларион!

Меднобородый ответил басовитой скороговоркой:

— Был Ларион, да теперь не он, господин писарь! Считай, что встретил Лариона Михайлова сына Тупицына! Чем могу служить?

Развязный, полунасмешливый тон меднобородого неожиданно сменился просящим полусшепотом:

— Помог бы, барин, побыстрее руду сдать. Тут сутки лишние проторчишь, а ить у меня баба, робятенки в Ересной.. Сам знаешь, дело крестьянское...

Ползунов провел Лариона через крепостные ворота, благо караулом в этот день командовал знакомый капрал Беликов,

— Ох, и уважил ты мне, господин барин-писарь! Торчать бы мне у заводских ворот до утра, а то и долее! Вот ить как иногда получается — в первый раз встретишь человека, а во второй — выгоду поимеешь!

Ползунов понял, что для расспросов сейчас самый подходящий момент.

— Сказал бы, Ларион, не случилось ли тебе при Демидове руды с Кольвани или Змеевой горы возить на Чарыш и какой дорогой?

У Лариона сразу заметно поострожалось лицо, поубавился восторг. Не так быстр и охоч стал на слово.

— Бывало такое. Дорога тогда одна была. Сейчас, может, лучшая и покороче сыскалась. О том не ведаю.

— А ты помнишь ту дорогу?

— Как же ее забыть-то! Дважды на ней мой воз опрокидывался. Однажды сам чуть под телегу не угодил. В другой раз — во какую память оставила та дорога.

Ларион показал широкую расплоснутую ладонь левой руки. От незаживающей стойкой красноты она казалась только что подогретой на жарком огне.

— Вот так-то... А дорога шла через пустынные места. Встречались каменные распадки, леса пихтовые, густые, как волос на голове юнца, безлесные увалы, степь. Приводила дорога на берег Чарыша почти у самой деревни Тугозвоновой. До нее от Змеевой горы, если измерять, то эдак восемь-девять десятков верст набегит. Более сказать нечего — разговор пошел бы вслепую...

В гиттеншрейберской на разостланном чертеже пролегли новые жирные линии — самые короткие предполагаемые дороги от рудных мест до излучины Чарыша. Ползунов допускал мысль, что в иных местах неудобства заставят искать объезды, что от того дорога будет круто изгибаться или петлять. С учетом всех допусков Ползунов тщательно вымерил на чертеже дорогу и с удивлением воскликнул:

— Какой мудрец Ларион! Вроде бы с аршином прошел дорогу. От Змеевой горы до Чарыша ровно восемьдесят пять верст!

Недоумевающий Яков Беэр только пожал плечами. Про себя же подумал: «С рек на сухопутье потянуло Ивана. Беспокойная душа! Все чего-то ищет, жизнь себе укорачивает...»

Еще в детстве Ползунов приучился вставать с постели раным-рано. Привычку эту настойчиво прививала мать. Позже, уже оторванный от семьи, Ползунов в мыслях неоднократно благодарил мать за приобретенную

привычку. В школе он успевал выполнить все домашние задания до начала занятий. При чем с первого же раза, без нудных повторов. Сверстники все вечера корпели за уроками, Ползунов же занимался свободным чтением или уходил за заводской посад на ребячьи игрища. На постое у Прихожева Ползунов не изменял своей непоколебимой привычке. Летом в ранние часы вместе с первыми и робкими лучами солнца приходил на берег Оби, купался. Взбодренный свежестью воды, домой возвращался не с пустыми руками. То нес тяжелую намокшую жердину, выловленную в реке, то охапку свежего тальникового хворосту. Все это было кстати для починки обмазанных глиной хлебов, в которых Прихожев временно содержал закупленный скот.

Прихожев, что ни день, все больше восхищался постояльцем и не таил того в разговорах с собеседниками.

— Большая дорога ждет в жизни господина Ползунова. Молод он, а уж трудолюбив, а уж беспокоен! До всего у него дело есть. Никакой работы не гнушается. И справляет ее от всей души, а не ради корысти. Я вроде не из лежебоков, но почистой скажу, что пристрастие и вкус к делу лишь обрел с годами.

Любил Прихожев украдкой наблюдать за работой Ползунова. Нравилось ему, как в цепких руках играл топор, как при каждом

взмахе пружинисто сгибалась и разгибалась спина, а потом с сухим треском в стороны отлетали поленья. У Ползунова сложение не из богатырских. Скроен, пожалуй, не в меру экономно, но в каждом движении строгая четкость, которую Прихожев считал признаком недюжинной силы, физической и духовной. Однажды молчаливое восхищение постояльцем у Прихожева прорвалась наружу. С ноткой проникновенного участия в голосе, по-отечески наставительно пожурил Ползунова:

— Извиняй, добрый барин, что нос свойую в твои дела и на «ты» все говорю. Оправдание тому — годы мои. Под пятьдесят подкатило. Гляжу неотрывно на тебя и подмечаю постоянно, что больно ты прыток во всякой работе. Хорошо это, только жизнь у тебя вся впереди. При твоём рвении не дай бог прежде времени сломаться. Поберегся бы малость!

Ползунов на минуту оторвался от работы, молча улыбнулся. Участие Прихожева льстило и, еще больше, удивило. Прихожев считал свое отношение к Ползунову вполне порядочным. Каждое полезное для себя действие Ползунова не оставлял безответным: то кусок свежего мяса, то туюс меда бесплатно предложит. Ползунов с упорством отказывался и тем всегда побеждал назойливость Прихожева, смутно полагая, что пружиной, приводящей в непрерывное действие Прихожева, его отно-

Краткая летопись Барнаула

6. НА ЗАРЕ ВЕКА

Волна первой русской революции докатилась и до далекого Барнаула.

В июне 1905 г. социал-демократы города объединились в группу, подчиненную Томскому комитету РСДРП.

В начале января 1906 г. группу возглавил посланец Сибирского Союзного комитета РСДРП большевик-ленинец, томский студент-технолог А. М. Маслов (позже — делегат V [Лондонского] съезда РСДРП). С его прибытием значительно оживилась партийная и революционная работа. Были созданы группы: пропагандистская, военная, крестьянская, распространительная и др.

В июне 1906 г. группа была преобразована в комитет. В нем насчитывалось свыше ста членов.

10 октября 1909 г. вышел первый номер нелегальной большевистской газеты «Голос из подполья».

В 1909 г. и марте 1910 г. Барнаульский комитет был дважды разгромлен полицией.

В 1911 г. вновь возродилась подпольная организация, общая с меньшевиками. В ней было крепкое большевистское ядро [М. А. Ярков, Н. В. Третьяков, Ф. Д. Ильиных, А. А. Селезнев, Т. А. Фофанов].

В августе 1912 г. в состав комитета был кооптирован бежавший из нарымской ссылки И. В. Присягин, член РСДРП с 1904 г., ученик ленинской школы в Лонгьюмо под Парижем.

30 августа 1915 г. началось железнодорожное сообщение между Новониколаевском и Бийском.

В 1916 г. закончено строительство железнодорожного моста через Обь.

В 1917 г. население Барнаула составляло 56007 человек, грамотных — 31 процент.

шение с людьми определяла выгода, а не добрые порывы души. Прихожев тешил себя мыслью, что Ползунов питает к нему безграничное уважение и потому делает приятное и полезное для него, а не для кого-либо другого.

Дом Прихожева стоял на заболоченной низине на левом берегу речки Барнаул. Место, не раз проклятое рудовозами, ямщиками, бревновозами, всеми, кто доставлял грузы на лошадях. Стоило капнуть дождю, и дорога тотчас раскисала, колеса груженных телег проваливались по ступицы.

Ползунов услышал надрывную матерную брань. Глянул в окно и увидел длинный безжизненный обоз. В его голове мужики отчаянно хлестали бичами лошадь. Та в стремлении вытащить воз чуть не выпрыгивала из оглобеля и всякий раз беспомощно падала на брюхо. Объезда не было, и обоз становился длиннее с каждой минутой, а брань мужиков все отборнее.

Ползунов вышел на дорогу. Увидев на нем казенную одежду, мужики стихли.

— Чего ради глотки дерете, матерей тревожите! А ну, марш во двор, несите жердину и толстый сутунок! Да живо! Хворост набирайте!

Ползунов несколько раз обошел воз, как бы примеряясь к чему-то.

Мужики смотрели с молчаливым затаенным выжиданием.

— Сутунок кладите сзади воза. Жердину подкладываете под задок телеги. Вот сюда!

Затем Ползунов приказал мужикам давить на длинное плечо образовавшегося рычага. С чмоканьем и хлюпаньем медленно освобождался колеса из плена.

— Так! Простейшая механика... А теперь хворост бросайте под колеса и трамбуйте плотно...

Когда обоз тронулся, мужики поочередно подходили к Ползунову, неуклюже благодарили, кланялись.

— Спасибо, добрый человек!

Во дворе встретился Прихожев, посмотрел на постояльца, густо измазанного грязью, и заговорил приглушенно, с укоризной в голосе:

— Не годится этак, барин добрый. На всех себя не поделишь!

В этот раз Прихожев понял, что постоялец готов сделать доброе каждому, кто в том испытывает нужду.

Несколько дней в обращении с постояльцем он был сдержаннее, чем прежде. Приветствовал немногословно, без обычных прибауток, с холодком:

— День добрый, барин...

Трубы Барнаульского завода денно и нощно изрыгали дым и смрад плавильных и обжигательных печей. В посаде невпродых от удушливых мышьяковистых испарений. Прежде времени умирала листва на деревьях. Поблекшая и иссохшая, она скручивалась в тугие завитки, устилала землю. Стойкие сосны по краям посада и те сдавали. Хвоя наливалась восковой желтизной, со звоном осыпалась с ветвей.

Солдатская и мастеровская слобода раскинулась в подветренной стороне завода. Самые слабые ветры, помимо ядовитого удушья, заносили сюда облака копоти зловеще черного окраса. Слободчане плотно, комар носу не подточит, задраивали окна и двери. И все же от пагубного не спасались. Кашель, сухой и лающий, приключался с каждым, кто поселился в слободе на самое малое время. Но к кашлю привыкали. С ним как-то мирились. К одной беде прибавлялась другая. Кожу на теле людей, особенно на руках, изъедали вредные испарения, появлялись мелкие точечные язвочки и страшный зуд, не утихающий ни днем ни ночью. Академик Паллас, посетивший Барнаульский завод, писал, что в те времена чесотка была настоящим бичем слободских жителей.

День ото дня заводские трубы дымили гуще, вроде вконец хотели известить слободчан. Из царского кабинета, что ни нарочный, то новые настоятельные предписания о «приумножении» выплавки драгоценных металлов. Под ними неизменно стояла размашистая и устрашающая подпись самого главноуправляющего кабинетом — барона Ивана Антоновича Черкасова.

— Ваши соображения, господин ассессор, на этот счет?

Неожиданный и жесткий вопрос генерала Беэра не застал врасплох Христиани.

— Умножение выплавки серебра и иных металлов, ваше превосходительство, возможно лишь при надежных запасах руд в заводских сараях.

— Вот именно, господин ассессор! При надежных-с! Над этим надобно задуматься. И очень серьезно. Руд на местах добычи сотни тысяч пудов скапливается, при заводе же их достает не больше, чем на месячную проплавку. Были случаи вынужденного бездействия плавильных печей. Не вам объяснять, какие от того убытки ея императорскому величеству. Не так ли?

Христиани молча раскрыл кожаную папку, украшенную тиснением и массивными медными уголками. В его движениях сквозила степенность и солидность.

— Считаю необходимым настаивать перед

кабинетом ея императорского величества о дальнейшей приписке крестьян к Кольвановоскресенским заводам и рудникам для производства различных работ и перво-наперво перевозки руд. От главнейшего месторождения серебросодержащих руд — Змеевского — до Барнаульского завода двести пятьдесят верст. По санному пути однолошадный воз в двадцать пять пудов такое расстояние покроеет в десять дней. Для перевозки двухсотпятидесяти тысяч пудов руды одновременно потребуется десять тысяч крестьянских подвод и потратить надобно сто тысяч дней...

Генерал перебил Христиани коротким нетерпеливым жестом руки.

— Не то говорите, ассессор! В здешней округе — малолюдье. Крестьян по прошлой ревизии значится чуть больше десяти тысяч, половина приписана к рудникам и заводам. Из свободной половины имеется в наличии всего одна десятая, остальные разбрелись кто куда. Небезызвестна обширность округи. На ней могли бы разместиться без мала все немецкие государства. Иной путь надлежит искать, господин ассессор!

Беэр поднялся из кресла, потянулся. Это означало конец аудиенции.

Христиани казалось, что его предложение, заранее продуманное со всеми выкладками, самое непогрешимое и единственное приемлемое. Выходило же совсем не так. Несколько обескураженный, не в добром расположении духа, он поздно вечером заглянул в гиттеншрейберскую, когда Ползунов и Яков Беэр уже сверстали дневные записи. На приветст-

вие ответил молчаливым кивком головы. Широкий и неторопливым жестом усадил на свои места шумно восставших на ноги. К удивлению, Христиани не потребовал записей для просмотра. Его молчание казалось загадочным и необъяснимым. Оно настораживало гиттеншрейберов и рождало тревожное ожидание. Казалось, что на смену молчанию придет опалаяющая вспышка гнева. И разразись она сейчас, гиттеншрейберы не нашли бы в том ничего необычного, восприняли бы ее за должное. Но Христиани оставался в прежнем состоянии. Его невидящий взгляд долго блуждал по блеклому окну, потом скользнул по высокой бумажной стопке на столике Ползунова.

Наконец Христиани прервал тягостное молчание, изрек:

— С сего момента гиттеншрейберу Ползунову иметь надежное смотрение за рудными плавками...

Услышанное приятно ошеломило Ползунова. Мысленно он тут же переместился на плавильную фабрику. Страстно захотелось быть возле Селезня, его товарищей, видеть горячие блики истекающего металла, слышать его сочный треск в остывающих изложницах.

Христиани же продолжал размеренными, скупыми словами:

— При том смотреии стараться познать искусство плавки металла. Отвращать плавильщиков от лености и нерадения в работе. Так продолжать впредь до поправки из болезни плавильного мастера Фридриха. Половину времени по-прежнему тратить на гиттеншрейберские записи.

Краткая летопись Барнаула

7. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

4 марта 1917 г. газета «Жизнь Алтая» опубликовала телеграмму о революционных событиях в Петрограде. В тот же день был создан «Комитет общественного спасения», представлявший блок буржуазии с соглашателями.

5 марта создан Совет рабочих депутатов, 7 марта — Совет солдатских депутатов. 11 апреля оба Совета объединились. В Барнауле, как и повсюду в России, возникло двоевластие. Вернувшиеся из ссылки и фронта большевики развернули борьбу за массы.

16 апреля Барнаульский Совет принял постановление о введении 8-часового рабочего дня, 17 апреля об установлении минимума заработной платы.

2[15] мая грандиозный пожар уничтожил 53 квартала в лучшей части города. Тысячи людей остались без крова. Дело помощи пострадавшим взял в свои руки Совет рабочих и солдатских депутатов. Это еще больше укрепило его авторитет.

5 июня большевики порвали с меньшевиками и образовали самостоятельную организацию, избрав комитет, в который вошли И. В. Присягин, М. К. Цаплин, А. А. Селезнев. В момент разрыва большевиков было 15, к началу декабря стало до 300.

Душевный восторг Ползунова поубавился. Христиани, казалось, начинал обретать свою обычную форму. Протянул руку к столу Ползунова, чтобы взять журнал записей. Яков Беэр отпрянул в сторону. Его лицо выражало испуг, будто сейчас должно произойти что-то страшное, непоправимое. Глядя на друга, Ползунов угадывал его мысли:

«Говорил же тебе, Иван, не суй носа не в свои дела. Вместо журнала раскроет сейчас Христиани лежащие рядом планшеты и не миновать беды. Съест тебя без остатка и косточки оближет!..»

Христиани непонимающе пялил глаза на раскрашенные планшеты, испещренные густыми линиями. Они были то сплошными, то прерывистыми, то черными, то цветными.

— Не вижу ничего похожего на арифметику Магницкого. Что за планшеты, откуда появились, кто так усердно и ради чего приложил к ним руку? Здесь так густо от прочерченных линий, что между не упасть ничтожному чернильному пятнышку. Я не вижу экспликаций, пояснительных записок.

Голос Христиани не выдавал недовольства или гнева. В нем скорее проскальзывала скрытая любознательность. Линии на планшетах пролегли от рудных мест на левый берег реки Чарыша, к пристани, обозначенной в виде двух крошечных судов-коломенок. Такие строились из досок, плоскодонными, мелкосидящими в воде. На широких голубых лентах — отмывках рек Чарыша и Оби — на разных расстояниях друг от друга нарисованы якоря и стрелы.

Несомненно, автор планшета указывал таким манером возможные стоянки судов, речные перекаты. Все это рождало у Христиани предположения, еще неопределенные и смутные, о возможной связи увиденного сейчас с недавним разговором у генерала Беэра.

— Может, гиттеншрейбер Ползунов объяснит, что все это значит?

Тон у Христиани не настойчивый, скорее поощрительный и дающий время на размышление для спокойного и исчерпывающего ответа. Ползунов не спеша разгладил планшеты. Разговор начал совсем не с того, что интересовало Христиани.

— Сегодня, высокородный господин ассессор, мной занесено в журнал двести записей о приеме руд. В зимнее время их число доходит до трехсот и более.

— Мне хорошо известно то...

Но Ползунов вроде бы и не заметил удивленно поднятой брови ассессора, продолжал спокойно:

— Для перевозки руд для непрерывного заводского действия задолжаются работой

тысячи крестьян — и на немалое время. Только за один оборот со Змеевского рудника на Барнаульский завод крестьянин находится в пути пятнадцать суток: десять — с грузом, пять — порожняком. А ведь число рудных перевозок крестьянам можно сократить. Еще при Демидове на Чарыше действовала пристань Перво-Чарышская, она же Карпова, что в тридцати верстах от Кольвано-Воскресенского завода. Пристань на Чарыше можно устроить в более удобном и глубоководном месте, скажем, у урочища Красный Яр или у Кабановой защиты. Прежде надобно отыскать самые выгодные и кратчайшие дороги от рудных мест. Возможные из них обозначены на планшете линиями.

Поняв мысль Ползунова, Христиани пылливо уставился в планшеты. Ползунов пояснил:

— В иные годы Чарыш, по свидетельству сведущих людей, изрядно мелеет. К плаванию по нему способнее всегда дощаники-коломенки. Мной усмотрена коломенка грузоподъемностью три тысячи пудов при осадке днища около полутора аршин.

Ползунов развернул лист бумаги с аккуратной вычерченной коломенкой.

— Вниз по течению от чарышских пристаней до Барнаульского завода трое суток ходу, в обратную для подъема судов бечевою потребуются месяцы. За навигацию можно сделать четыре ходки. Одна коломенка, выходит, доставит двенадцать тысяч пудов, двадцать — двести сорок тысяч пудов руды. Коломенка — нехитрое и дешевое суденышко. Ежегодно для пополнения флота в двадцать коломенок требуется строительство всего лишь двух новых. Перевозки руд водой намного дешевле, для них понадобится крестьян в сотни раз меньше. От того выйдет великое облегчение крестьянам и выгода заводскому ведомству. Вот здесь, высокородный господин ассессор, самые точные расчеты.

На отдельных листах безукоризненно ровные, как по линейке, строки, стройные столбы цифр. От прочитанного непрерывно менялось выражение лица Христиани. Наконец оно стало радостно-восторженным, как от желанной находки. Яков Беэр никогда ранее не видел таким Христиани.

— Не скрою, гиттеншрейбер Ползунов, выгоды твоего дерзания, подкрепленного строгим языком цифр, выкладками.

Теплая вспышка на лице Христиани мгновенно и непонятно почему погасла и оно вновь стало по-обычному невозмутимым, непроницаемым и холодным. Христиани заговорил так, будто сам осуждал свою недавнюю откровенность и стремился умалить только что произнесенную похвалу:

— Сие предложение содержит неопределенные и непредвиденные обстоятельства, подлежащие выяснению. Надлежит произвести и самый строгий пересчет всего, что тобой написано. Прелюбопытно знать, откуда появились у тебя эти планшеты?

— Скопированы с тех, что хранятся у геодезиста Пимена Старцева.

— Нда-с! Геодезист не волен распоряжаться планшетами без команды на то. Впрочем, то не твоя вина, гиттеншрейбер!

Христиани ушел, забрав все документы с расчетами водных перевозок. Тотчас же отошел Яков Беэр:

— Ты подобен красному солнышку, Иван! Растопил душевный лед Христиани! Я впервые увидел в нем нормального человека с тихой улыбкой на лице. Вторая похвала Христиани — великая награда тебе! Только боюсь, как бы это по-худому не обернулось. От Христиани можно ожидать всякое...

Против опасений Якова все вроде обошлось благополучно. Пимену Старцеву никто не сделал даже легкого внушения за своеволие. Христиани, казалось, предал прочному забвению предложение Ползунова. Бывая в гиттеншрейберской, он ни разу не заговорил о том. Яков не удержался от соблазна добродушно подтрунить над Ползуновым:

— Сколько ломал голову, потратил времени — и не впрок. Вроде кому другому, а не Христиани жарко толмачил о водных перевозках. Думается мне, Иван, что начальство подчиненного ценит за кротость и прилежание, а не за умные подсказки, до сути которых само порой не доспевает. Начальство-то себя считает умным. Потому подсказки подчиненных для него, что горячий уголек на голое тело.

Ползунов молча и неопределенно пожал плечами. Поведение Христиани действительно казалось несколько странным. В душу Ползунова, как бы в согласие с Яковым, робко прокрадывалось сознание никчемности. И все же он не был уверен в правоте Якова. Сказал неопределенно:

— Судья твоим словам — время...

Иоганн Фридрих считался опытным плавильным мастером и получал от начальства соответственно повышенное жалованье. Не в пример другим соотечественникам-саксонцам Фридрих пылливо присматривался, дотошно изучал и охотно воспринимал все русское. За короткое время, глубокими ночами (иной возможности не находилось) почти в совершенстве освоил русский язык. Проходил день-другой и сослуживцы Фридриха с искренним изумлением покачивали головами — в его устах чеканнее звучали русские слова, более послушно и быстро занимали свои места в предложениях.

Из-за превратного ли понимания русского, по иной ли причине Фридрих легко приучился пить крепкую хлебную водку совсем не в саксонской манере: свободно, по-ухарски, с побрякиванием. Особенно по душе пришлась обильная русская пища. От мясных и рыбных блюд разных названий и приготовлений, жирных и сытных кулебяк, кудрявых и запашистых каш, крупяных запеканок Фридрих, что ни месяц, прибавлял в полноте.

При всем своем обрусении Фридрих, однако, сохранял в характере привезенное им с родины неразумное и спесивое высокомерие. Постоянно сталкиваясь с русской простотой,

Краткая летопись Барнаула

17 июня 1917 года образовалась Алтайская губерния с центром в Барнауле.

15 августа начала выходить газета «Голос труда» (ныне «Алтайская правда»).

Начало сентября. Председателем Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран М. К. Цаплин, член РСДРП(б) с 1905 г., позже — делегат II Чрезвычайного съезда Советов.

17 сентября барнаульские большевики направили в ЦК партии телеграмму: «Большинство рабочих и солдат идет за нами. Оборонцы теряют влияние. В Совете большинство наше».

2—3 октября губернская конференция РСДРП(б) избрала губком во главе с И. В. Присягиным.

3 декабря Барнаульский Совет принял решение о взятии власти в свои руки в городе и губернии.

В ночь на 7 декабря был образован военно-революционный комитет во главе с М. К. Цаплиным, осуществивший это решение.

Фридрих отождествлял ее с отсталостью и мысли не допускал о равноценности и тем более превосходстве русского разума над немецким.

Случилось так, что Ползунов, заменяя недужного Фридриха, сам неожиданно заболел. И тут на плавильной фабрике произошли события, вызвавшие тревожные пересуды и тайный ропот мастеровых.

Фридрих, стяхнув с себя болезнь, опередил Ползунова выходом на службу. Но то ли из-за не совсем прошедшей хвори, то ли по причине безмерного «принятия горячительного», у него стала заметно сдавать память. Сам он того не замечал и, как прежде, свои действия по службе считал безукоризненными. Подмеченную чем-либо со стороны промашку воспринимал с крайней болезненностью.

Правда, внешне Фридрих сохранял при том уверенное спокойствие, всеми силами стараясь доказать окружающим свою мнимую правоту. Но совершал это подчас в полную противоположность здравому смыслу.

После первичных плавок обогащенной сербросодержащей руды в плавильных печах — крумофенах — получался веркблей, серебро, содержащее свинец. Лишь из других печей — трейбофенов — истекал бликзильбер, серебро, очищенное от свинца. Перед загрузкой плавильной печи для плавки ее придурчиво осматривали. Обнаруженные неисправности — выгоревшие и вывалившиеся камни, трещины — тщательно забивались мокрым мусором, смесью белой и серой глины с толченым древесным углем.

Из-за нераспорядительности Фридриха вышла заминка с засыпкой трейбофена. Плавильный мастер стал торопить людей, чтобы наверстать упущенное время. Не ровен час в любую минуту мог появиться сам ассессор Христиани. Тогда какая угодно причина не в оправдание. Надсадный до визгливых срывов голос Фридриха перекрывал гул тачек, хлопанье лопастей водоналивных колес.

— Быстрее набивать печь! Да торопитесь же вы, окаянные!

Перед загрузкой внутренность печи полагось набивать слоем мокрого пепла из березовых или осиновых дров с прибавкой извести. Пепел перед тем выщелачивался промывкой. С помощью пепла отделялось серебро от свинца, очищалось от сернистых и других вредных примесей, делалось вязким.

— Господин мастер! Печь нельзя набивать пеплом — в боках кое-где вывалились выгоревшие камни. Как бы беды не приключилось!

Фридрих вскипел: ему указывать! В ответ на предостережение Селезня отрезал резко-насмешливо, с угрозой:

— У русских говорят — яйца курицу не учат! Без промедления набивать печь! Не то в морду, по шеям! Понял?

При плавке свинец, окисляясь, превращался в глет, более легкий по весу, и по специальным лоткам выпускался наружу, через отверстие выше уровня расплавленного серебра. Так бывало обычно. Но на сей раз через брешь, образовавшуюся в боку трейбофена, внезапно ударила тугая, огнедышащая струя расплавленного серебра. Печь могла порвать в любое мгновение. Тогда беды не миновать: и пожар занялся бы мигом, и людей бы покалечили и погубили насквозь прожигающие брызги.

Селезень с ломом наперевес кинулся к печи. Освобожденный металл ударил в выпускное отверстие бурным, с огненными отблесками потоком. Суетливо, взмахнув он растекался по изложницам и быстро остывал с сердитым треском и шипением.

— Накаркал, ворон! Накаркал! Да я тебя за это в угольный порошок изотру!

Невысокий кругленький Фридрих никак не мог подступиться к Селезню. Бегал вокруг, как на привязи, и всюду натякался на непреодолимое — руки-ухваты Селезня, длинные и сильные, с пальцами, широко расставленными в стороны. Карусель остановил чей-то раздраженный голос:

— Что здесь происходит? Что означает сие во время плавки?

Взопревший, раскрасневшийся Фридрих мгновенно застыл на месте, еле сдерживая учащенное дыхание, оторопело выкатив глаза на Христиани, внезапно и незаметно появившегося здесь.

— Ваше высокоблагородие, господин мастер меня безвинно наказать хотели, я же упорствовал.

Христиани перевел взгляд с заговорившего Селезня на продырявленную печь, на бугристую, неровную поверхность металла, тут же застывшего после быстрого и беспорядочного истекания из печи.

— Кто виноват?

— Рассудите по справедливости, ваше высокоблагородие! Единственно повинен я в дерзости господину мастеру, а ни в чем ином!

Селезень обстоятельно и быстро рассказал о происшедшем. Наступила продолжительная, тягостная тишина. Христиани, видимо, о чем-то думал, прикидывал в уме. Фридрих сделался еще ниже ростом и толще от того, что голова провалилась между плеч. Наконец Христианин заговорил размеренно и тягуче, словно не избавился еще от власти раздумий:

— Иоганн Фридрих доподлинно виновник происшедшего и будет наказан приличествующим образом с записью о том в формуляре.